

Л. М. ДЕМИН

В ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЯХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. М. ДЕМИН

В ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЯХ

Рассказ
о путешественниках
Щербатовых

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
К. В. МАЛАХОВСКИЙ

Демин Л. М.

Д 30 В дальних странствиях (Рассказ о путешественниках Щербатовых): М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

110 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге рассказывается об известных русских путешественниках по странам Востока О. А. и А. Г. Щербатовых, живших во второй половине XIX — начале XX в., и об их поездках по Сирии, Индии, Цейлону и Яве. Автор анализирует впечатления Щербатовых об их путешествиях, излагает критические оценки, данные путешественниками системе колониального управления, разбирает проекты смелых экономических преобразований в России, выдвинутые А. Г. Щербатовым.

Д 1905020000-053 102-84
013(02)-84

ББК л8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ВВЕДЕНИЕ

Идея написать небольшую книжку о русских путешественниках по странам Востока супругам Щербатовых была подсказана автору его учителем, академиком А. А. Губером.

Выдающийся советский ученый, положивший начало систематическому изучению в нашей стране истории Юго-Восточной Азии, всегда призывал своих учеников бережно относиться к трудам предшественников. Александр Андреевич подчеркивал, что всякая новая школа, например школа индонезиеведения, не может возникнуть на пустом месте. Этому предшествует первичное накопление знаний, первые публикации, пусть выходящие из-под пера не ученых-востоковедов, а просто путешественников, людей других профессий или даже образованных дилетантов. Читая курс лекций по истории Индонезии, он неизменно начинал с библиографического обзора и призывал слушателей непременно прочесть книгу О. А. Щербатовой «В стране вулканов» [20]. По его мнению, книга эта не утратила познавательного интереса и по сей день, особенно если принять во внимание, что число дореволюционных публикаций об Индонезии, книг и статей, было весьма ограничено.

Возглавляя в течение многих лет общество «СССР — Индонезия», внося большой личный вклад в развитие культурных связей с Индонезией и другими странами Востока, А. А. Губер всегда стремился пробуждать у своих учеников глубокий интерес к истории связей России со странами Востока, путешествий по восточным странам русских людей. В качестве примера подобных исследований Александр Андреевич приводил книгу Б. М. Данцига [6], в которой упомянуты, в частности, и имена Щербатовых.

Сфера интересов супругов Щербатовых была широка. Они посетили некоторые арабские страны, Индию, Цейлон (ныне Шри Ланка), Сингапур, Яву. И этот ши-

рокий географический диапазон определяет интерес к этим путешественникам. Первое свое путешествие в арабские страны Щербатовы совершили в 1881 г. Как мы увидим далее, поездка была сопряжена с серьезными трудностями, чинимыми османскими властями, не скрывавшими своей вражды к русским путешественникам. В 1890—1891 гг. Ольга Александровна и Александр Григорьевич Щербатовы побывали в Индии и на Цейлоне, а в 1893 г. отправились на Яву. Наконец, в 1900 г. они вторично прошли путь от Бейрута и Дамаска до центральной Месопотамии и тем же путем возвратились обратно.

Впечатления от этих поездок по восточным странам легли в основу трех книг, написанных Ольгой Александровной: «По Индии и Цейлону. Мои путевые заметки 1890—91 гг.», «Верхом на родине бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми» и «В стране вулканов» [19; 21; 20]. Первая из этих книг была написана ею в соавторстве с мужем. Кроме того, Александр Григорьевич совместно с братом жены С. А. Строгановым написал «Книгу об арабской лошади» [18], содержащую также некоторые этнографические сведения об арабах Сирии.

Конечно, многие определения и оценки авторов упомянутых книг, особенно социально-политических явлений, например общественного строя или колониальной системы управления, весьма далеки от оценок современных востоковедов. Трудно было бы ожидать, чтобы титулованные аристократы дали объективную и точную во всех отношениях оценку господства англичан в Индии или голландцев в Индонезии. И все же книги эти не потеряли определенной познавательной ценности и для современного читателя. В них мы найдем немало метких наблюдений, интересных сведений о природе, обычаях и культуре местных жителей, исторических памятниках, хозяйстве, административной системе. Книги привлекают и обилием великолепных иллюстраций. Для этой цели использовались фотографии, собственноручно выполненные путешественниками с натуры.

Нельзя, разумеется, переоценивать роль супругов Щербатовых и ставить их в один ряд с такими прославленными на весь мир русскими учеными-путешественниками, как Н. Н. Миклухо-Маклай, Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. К. Козлов, И. П. Минаев, А. Н. Краснов и многие другие. Ни Ольга Алек-

сандровна, ни ее супруг не были профессиональными учеными-востоковедами. Но ведь вносили свой вклад в исследование стран Востока и в ознакомление с ними русского читателя не только востоковеды. Иногда именно людям, не связанным непосредственно с наукой, принадлежал приоритет в освещении той или иной мало известной страны или района. Иногда именно такого рода путешественникам удавалось проникнуть в такие неизведанные края, где ни до них, ни после них не смогли побывать люди, более прославленные в мире науки.

Какое место занимают книги О. А. Щербатовой в дореволюционной литературе о странах Востока? Если книга «Верхом на родине бедуинов», посвященная двум поездкам в Сирию, содержит не слишком богатую информацию о жизни арабов, то она интересна описанием самих путешествий, отражением сложной внешнеполитической обстановки на Ближнем Востоке на рубеже прошлого и нынешнего веков, некоторыми этнографическими сведениями.

Наиболее содержательная из трех щербатовских книг — «По Индии и Цейлону» — лишь одна из большой массы книг, очерков, статей, путевых дневников, написанных русскими путешественниками, побывавшими в этих странах незадолго до Щербатовых или примерно в одно время с ними. Среди них были и более значительные фигуры в области русской науки и культуры. Укажем в их числе на крупнейшего индолога И. П. Минаева, трижды побывавшего в Индии в 70—80-х годах, биолога, почвовед и географа А. Н. Краснова, выдающегося художника В. В. Верещагина, климатолога А. И. Воейкова, востоковеда и журналиста П. И. Пашино, индолога А. Е. Снесарева и других. Их труды, разные по охвату и глубине, раскрывали различные стороны индийской действительности. В некоторых из них находили отражение радикальные, передовые взгляды и концепции. Не задаваясь целью давать сравнительный анализ всех этих работ в сопоставлении с книгой «По Индии и Цейлону», отметим, что труд Щербатовых, по обилию фактического материала, резко критическому отношению к британской колониальной системе и признанию бесперспективности английского господства, имеет несомненную ценность и служит полезным дополнением к работам других путешественников.

Если же говорить о ценности книги О. А. Щербатовой «В стране вулканов», посвященной поездке на Яву,

то надо помнить, что в дореволюционной России лицами, побывавшими в Индонезии, было выпущено всего три книги. Одна из них принадлежит перу профессора ботаники В. М. Арнольди «По островам Малайского архипелага» (1911 г.) и посвящена преимущественно описанию природы страны. В ней лишь отдельными крупными рассыпаны краткие, но меткие замечания о жизни индонезийского народа, колониальном гнете. Другую книгу написал Модест Модестович Бакунин, русский консул в Батавии. Его книга «Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве» (1902 г.) написана с консервативных, монархических позиций: его симпатии всецело на стороне голландских колонизаторов. «В стране вулканов» О. А. Щербатовой имеет много преимуществ перед книгой русского консула. Во всяком случае, она дает весьма обширные сведения по истории, экономике, системе управления, этнографии, культуре острова, да и содержит некоторые объективные оценки голландских колониальных порядков.

Несомненно, супруги Щербатовы, люди пытливые и образованные, обладали любознательностью, наблюдательностью и определенными литературными дарованиями.

К своим путешествиям по странам Востока они серьезно готовились, проштудировали массу доступной им иностранной научной литературы. Так что называть их туристами-дилетантами было бы в корне неверно. Знание нескольких иностранных языков позволило им ознакомиться с зарубежной научной литературой и расширить свои представления об увиденных странах, сопоставить личные наблюдения с описаниями иностранных авторов. На труды английских или французских ученых Ольга Александровна неоднократно ссылается в своих книгах. Все это определяет ценность щербатовских трудов.

Все свои путешествия супруги Щербатовы осуществляли за свой счет, как частные лица. И это создавало свои преимущества. Путешественники не нуждались в средствах, как, например, некоторые их собратья, командируемые Российским географическим обществом или другими научными и государственными учреждениями. Они не были связаны заранее запрограммированным маршрутом, мелкой опекой властей. Общая длина маршрутов, по которым прошли они в странах Востока, достигает нескольких тысяч километров.

Наш рассказ о путешествиях Щербатовых и их литературных трудах не будет полным и обстоятельным, если мы не попытаемся воссоздать в самых общих чертах их биографию, охарактеризовать их общественно-политические взгляды. Александр Григорьевич Щербатов известен не только как путешественник, но и как видный в свое время общественный деятель и ученый-экономист, выступавший с буржуазно-либеральных позиций, как поборник широкого экономического переустройства России. Проекты такого переустройства нашли отражение в целом ряде его трудов. Не задаваясь целью специально останавливаться на личности А. Г. Щербатова как экономиста и подвергать анализу все его труды и проекты реформ, мы все же считаем необходимым упомянуть некоторые из них, привести ряд высказываний, наиболее характерных для его воззрений. Это поможет понять взгляды Александра Григорьевича, довольно четко выраженные в оценке британского колониального господства в Индии.

Воссоздать даже самую краткую биографию путешественников оказалось делом сложным. В своих книгах Щербатовы не сообщают читателю никаких сведений о себе. Кроме газетного некролога на смерть А. Г. Щербатова [8], опубликованного в апреле 1915 г., никаких других публикаций, содержащих сведения о жизни путешественников, обнаружить не удалось. И все же упорные поиски дали некоторые результаты.

В решении задачи, поставленной автором, прежде всего помогло знакомство с фондом Щербатовых в ЦГАДА [3]. В нем собрано немало интересных документов, характеризующих общественную и издательскую деятельность путешественников, личная переписка, бумаги, связанные с хозяйственными делами в их имениях, много фотографий. Автору удалось разыскать нескольких старожилов села Васильевского под Москвой, где находилась главная щербатовская усадьба. Один из этих старожилов лично помнил ее владельцев, другие сохранили в своей памяти рассказы родителей о них. Свидетельства живых очевидцев позволили представить некоторые штрихи характера путешественников, их образа жизни. Наконец, поиски потомков Щербатовых и стремление выяснить обстоятельства последних лет жизни Ольги Александровны привели автора во Францию. С помощью одного парижского корреспондента удалось установить место и дату смерти О. А. Щербато-

вой, судьбу ее детей и узнать некоторые частные детали жизни путешественников.

Как Александр Григорьевич Щербатов, так и его жена Ольга Александровна Щербатова, урожденная Строганова, выросли в культурной аристократической среде¹. Среди их ближайших предков и родственников было немало видных государственных и военных деятелей, деятелей культуры, оставивших заметный след в истории страны. Здесь мы ограничимся лишь самыми краткими биографическими сведениями о Щербатовых и их самых знаменитых родственниках. Некоторые сведения, не имеющие непосредственного отношения к истории путешествий Щербатовых, но могущие представить интерес для читателя, вынесены в примечания.

Семья Александра Григорьевича дала науке известного русского историка второй половины XVIII в., непосредственного предшественника Н. М. Карамзина. Речь идет о Михаиле Михайловиче Щербатове (1733—1790), авторе капитального труда «История российская с древнейших времен». Другой родственник, Николай Сергеевич Щербатов, тоже был причастен к исторической науке. С 1909 г. он фактически возглавлял Российский музей в Москве, нынешний Государственный исторический музей, и был его первым советским директором².

Дед Александра Григорьевича — Алексей Григорьевич Щербатов (1776—1848) был участником Отечественной войны 1812 года³. В Зимнем дворце, в галерее героев войны с Наполеоном можно увидеть его портрет работы художника Доу. Отец путешественника Григорий Алексеевич Щербатов (1819—1881), выпускник юридического факультета Петербургского университета, был попечителем Петербургского учебного округа, возглавлял цензурный комитет, являлся куратором Петербургского университета и председателем агрономического общества⁴.

Среди ближайших предков Ольги Александровны Щербатовой наиболее примечательной фигурой был ее дед, генерал Сергей Григорьевич Строганов, по образованию инженер-путеец. Он основал на свои средства в Москве художественное училище, сыгравшее выдающую роль в развитии художественного образования в России⁵. Ольга Александровна унаследовала от своего деда глубокий интерес к искусству. В усадебном доме в селе Васильевском Одинцовского района Московской области, занимаемом ныне домом отдыха имени

А. И. Герцена, сохранилась прежняя отделка парадных комнат. В одной из них можно увидеть вмонтированные в настенные панели выжженные по дереву пейзажи, выполненные, как утверждают старожилы, самой путешественницей. Другой Строганов, Александр Григорьевич, крупный государственный деятель прошлого века, был страстным библиофилом. Собрав огромную библиотеку, он завещал ее молодому Томскому университету, единственному в то время на всю Сибирь, чем внес полезный вклад в развитие русской культуры.

Все эти люди способствовали поддержанию в семьях Щербатовых и Строгановых определенной духовной атмосферы, в которой росли будущие путешественники. Строгановы из поколения в поколение собирали художественные ценности, первоклассные произведения классиков мировой живописи, скульптуру, бронзу, хрусталь, произведения античного искусства. Строгановский дворец в Петербурге, построенный Растрелли, превратился в один из богатейших в России частных музеев. После революции он стал всенародным достоянием, одним из государственных музеев. Его уникальные коллекции были впоследствии слиты с эрмитажными⁶.

Упомянув здесь выдающихся представителей семейств Щербатовых и Строгановых, мы далеки от мысли идеализировать их. И те, и другие оставались представителями эксплуататорского класса, крупнейшими земельными магнатами. К моменту реформы 1861 г. Александр Григорьевич Строганов, например, тот самый, который увлекался собирательством книг, владел 80 тыс. крепостных и по богатству и размерам своих владений мог соперничать с некоторыми из немецких владетельных князей. При таком-то богатстве нетрудно было и пожертвовать библиотеку в пользу университета. Крупными помещиками, хотя и уступавшими по богатству Строгановым, были и Щербатовы. Источники называют отца нашего путешественника, Григория Алексеевича, помещиком Московской, Саратовской и Екатеринославской губерний, владельцем 4 тыс. крепостных [12, с. 284—285].

Александр Григорьевич Щербатов получил от родителей богатое наследство, округленное за счет приданого Ольги Александровны. Таким образом, супруги оказались владельцами нескольких имений в Московской, Воронежской, Саратовской губерниях, домов в Москве и Петербурге. Любимым и чаще всего посещаемым име-

нием было Васильевское Рузского уезда, в верховьях Москвы-реки. В начале века это село принадлежало помещику Яковлеву, отцу А. И. Герцена. Всеми щербатовскими имениями управляла контора с целым штатом служащих, скрупулезно подсчитывавших доходы от продажи зерна и других продуктов.

Да, Щербатовы и Строгановы были типичными представителями своего класса. И все же нельзя не отметить, что обе семьи выделялись на фоне титулованной российской аристократии своей образованностью, широким кругозором, интересом к наукам, путешествиям, искусству. Будущие путешественники выросли и воспитывались в высоко культурной среде; и эта среда не могла не наложить своего отпечатка на формирование их интересов.

Родился Александр Григорьевич Щербатов 10 октября 1850 г. в Петербурге. По примеру своего отца он, как и его старший брат Алексей, умерший сравнительно молодым, окончил курс Петербургского университета. Как показывает его последующая общественная и творческая деятельность, А. Г. Щербатов проявлял особенный интерес к общественным наукам, в частности к экономике и праву, неплохо знал отечественную и зарубежную научную литературу по этим предметам, свободно владел несколькими европейскими языками. Несомненно, он еще в раннем детстве получил хорошее образование под руководством домашних учителей, где делался упор на изучение иностранных языков.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Александр Григорьевич работал уполномоченным Красного Креста при Рушукском отряде на Балканах и был награжден орденом Владимира 4-й степени с мечами. В 1883 г. он был произведен в камер-юнкеры. По-видимому, это производство было лишь почетной синекурой, не налагавшей на него каких-либо обременительных обязанностей, так как в дальнейшем Щербатов больше занимается делами своих имений, общественной деятельностью и редко бывает в столице. В том же, 1883 г. его выбирают предводителем дворянства Рузского уезда Московской губернии, и этот общественный пост он занимает в течение восьми лет. В 1891 г. он выступает как уполномоченный по общественным работам в помощь голодающим Самарской губернии, а в следующем году становится президентом Императорского московского общества сельского хозяйства, оставаясь на этом

посту в течение тринадцати лет [12, с. 293]. Вся эта разносторонняя общественная деятельность прерывалась в связи с неоднократными путешествиями по странам Востока.

Брак Александра Григорьевича Щербатова и Ольги Александровны Строгановой был заключен в 1879 г. Двадцатидвухлетняя невеста была моложе своего жениха на семь лет⁷.

Ольга Александровна получила хорошее по тому времени домашнее образование. Высшее образование было тогда еще недоступно для женщины, даже представительницы сановной аристократии. Специальных высших женских курсов типа Бестужевских еще не было создано. Отдельные русские женщины были вынуждены выезжать за пределы России, чтобы прослушать курс лекций в одном из зарубежных университетов. К таким исключениям из общих правил принадлежала, например, знаменитая Софья Ковалевская. Девушки, принадлежавшие даже к дворянской верхушке, в лучшем случае могли рассчитывать на поступление в один из так называемых институтов благородных девиц, самым репрезентативным из которых считался Смольный институт в Петербурге. По существу, это были женские гимназии повышенного, или улучшенного, типа. Нами был тщательно просмотрен архивный фонд Смольного института, хранящийся в Ленинградском городском архиве. В списках выпускниц института 70-х годов имени Ольги Александровны Строгановой нами не обнаружено. Следовательно, подготовка ее ограничилась только домашним образованием. Мы не знаем, каково содержание этого образования, какие учителя обучали юную Ольгу, какие науки и в каком объеме довелось ей изучить.

Как бы там ни было, мы имеем все основания называть Ольгу Александровну Щербатову образованной для своего времени женщиной. Об этом говорят широкий круг ее интересов, начитанность, писательский дар, свободное владение несколькими иностранными языками, знакомство с иностранной научной литературой. Ее книги написаны хорошим литературным языком, в них немало ярких, образных зарисовок, исторических, этнографических и искусствоведческих экскурсов, а также ссылок на труды зарубежных авторов.

Семья, подобная Строгановым, могла себе позволить приглашать в качестве воспитателей своих детей лучших учителей, вплоть до первоклассных университетских

профессоров, и щедро оплачивать их услуги. Иногда учителя руководствовались своими собственными программами, а иногда следовали гимназическим и даже университетским курсам. Бывало, что несколько аристократических семейств, связанных обычно между собой родственными узами, организовывали для своих девочек совместные домашние курсы. Повторяем, мы не знаем всего содержания домашнего образования О. А. Щербатовой. Но нет сомнения, что образование это было для своего времени многосторонним и весьма основательным.

Супруги Щербатовы разделяли тяготы и трудности четырех нелегких путешествий; дважды пересекли с караваном Сирийскую пустыню, извели турецкий плен и деспотизм османских сатрапов; поднялись на склоны Гималайских гор; побывали на Яве. Личность Ольги Александровны интересна для нас тем, что это была одна из немногих русских женщин — путешественниц по странам зарубежного Востока дореволюционного периода. И это была единственная русская женщина, которая верхом в седле преодолела всю Сирийскую пустыню от Дамаска до среднего Евфрата, а впоследствии пересекла почти всю Яву в широтном направлении в ту пору, когда Джакарта и Сурабая еще не были связаны железнодорожным сообщением. Разве это не подвиг? Подвиг, соучастником которого был и ее супруг Александр Григорьевич.

А. Г. Щербатов помогал жене в ее работе над книгами. Он был соавтором книги Ольги Александровны «По Индии и Цейлону», написав для нее «Краткий обзор истории и современного положения Индии». Есть основания предполагать, что и в посвященной поездке на Яву книге «В стране вулканов» вводный раздел подготовлен не без участия Александра Григорьевича. Деловой стиль со статистическими выкладками перекликается со стилем последующих экономических трудов А. Г. Щербатова и заметно отличается от той живой очерковой манеры, в какой написана основная часть книги. Наконец, супруги совместно занимались широкой общественной деятельностью.

Ольгу Александровну и Александра Григорьевича объединяли целеустремленность, жажда познания неизведанного, увлеченность своим делом. Вместе с тем это были люди разного характера и темперамента. Ольга Александровна обладала характером твердым, власт-

ным, если не деспотичным. Александр Григорьевич был человеком более мягким, не любившим вникать в хозяйственные мелочи. Так характеризовали их старожилы Васильевского, помнившие путешественников. Насколько можно судить по документам щербатовских имений, сохранившимся в архиве, хозяйством в основном занималась Ольга Александровна, а супруг предпочитал творческую и общественную деятельность. Путешественница пережила мужа, умершего в начале первой мировой войны, почти на три десятилетия.

ЧЕРЕЗ СИРИЙСКУЮ ПУСТЫНЮ

---

11 марта 1888 г. на рейде бейрутского порта бросила якорь изящная белоснежная яхта «Инва» под российским флагом. Принадлежала она одному из богатейших магнатов России, графу Сергею Александровичу Строганову.

В молодые годы служил граф офицером флота, дослужился до лейтенантского чина, но вышел в отставку, решив не утруждать себя тяготами флотской службы. Со всем азартом отдался теперь коневодству и путешествиям. Строгановские конные заводы славились на всю Россию. Вот и сейчас целью путешествия на Восток было приобретение для собственных конных заводов кровных арабских лошадей. Трюмы яхты были оборудованы под конские стойла.

Спутниками и компаньонами Сергея Александровича по путешествию были сестра Ольга с мужем, князем Александром Григорьевичем Щербатовым. Муж с шурином дружили. Под влиянием отставного лейтенанта российского флота и Александр Григорьевич с супругой стали приобщаться к коневодству, а сейчас тоже возгорелись желанием стать обладателями рослых и тонконогих скакунов арабской породы.

Плыли с комфортом, подобающим знатнейшим фамилиям российской титулованной аристократии. Дивились на изящество и богатство корабельных апартаментов приглашаемые в гости российские послы и консулы, восточные губернаторы-сатрапы и негоцианты, которых вообще трудно было чем-нибудь удивить. Путешествовали с вышколенными камердинерами, буфетчиками,

поварами. Не менее вышколенные и картинные матросы напоминали и не матросов вовсе, а оперных статистов, когда заканчивали такелажные работы и обряжались в парадную униформу. Умел, умел граф Сергей Александрович пыль в глаза пустить.

А Бейрут встречал русских путешественников пестрой и разноликой панорамой. Дома — разностильные сооружения османской, византийской, эллинистической постройки. Дома-крепости, выходящие на узенькие извилистые улочки глухими фасадами, лишь изредка прорезанными щелями окон. Лавки-катакомбы армянских, греческих, еврейских купцов с кашмирскими шальями, персидскими коврами, арабской чеканкой, аравийскими благовониями, турецким табаком. Уличные базары, полные пряных запахов, оглушающие азартными спорами торговцев с покупателями, ревом ишаков. Кое-где в районе порта на этой средневековой панораме выделяются современные здания европейской архитектуры: классические портики, ротонды, замысловатый модерн с вычурными балкончиками, перенесенный сюда с парижских Больших бульваров. Здесь обосновались иностранные консульства, английские и французские фирмы, христианские миссии. По набережной нестройно шагают турецкие солдаты в красных фесках. Над всем этим возвышается частокол минаретов, напоминающих острооточенные карандаши, колоколен и куполов христианских храмов: маронитских⁸, греко-православных, армяно-грегорианских, католических, протестантских и еще каких-то неведомых, но бойких сект. Это сосуществование людей разных религий далеко не мирное, не идиллическое. Кровавые распри на религиозной почве, переходящие порой в массовые побоища, были в Бейруте, как и в Дамаске и в других арабских городах и районах, не столь уж редким явлением.

Предоставим же слово самой Ольге Александровне Щербатовой. В своей будущей книге «Верхом на родине бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми», увидевшей свет в 1903 г., она сделает такую зарисовку с натуры: «Во время нашей прогулки по базарам мы были свидетелями одной сцены, повторяющейся здесь довольно часто, а именно драки между сирийцами, христианином и мусульманином. Эти драки достигают иногда обширных размеров, требуя вмешательства полиции и войск; так, недавно результатом подобной свалки было несколько десятков раненых и убитых. Фанатики-му-

сульмане ненавидят своих единомышленников христиан, и малейшее несогласие между ними беспрепятственно переходит в рукопашный бой. Так и в этот раз, двое сирийцев сначала о чем-то поспорили, потом мусульманин накинулся на собеседника и стал его колотить. На дерущихся бросились зрители, стараясь их разъединить, но они до того крепко вцепились друг в друга, что не поддались никаким усилиям... Когда началась драка, наш проводник поспешил нас ввести в соседний дом, так как в подобных случаях европейцам иногда бывает рискованно попадаться на глаза разъяренным мусульманам» [21, с. 8].

Описанный случай произошел как раз в Бейруте, на следующий день после прибытия путешественников. И он может служить выразительной иллюстрацией тех глубоких процессов, которые они не могли не уловить. Османская империя, конгломерат разноязычных, разноплеменных, неоднородных в религиозном отношении народов, раздиралась острыми и непримиримыми социальными и национальными противоречиями. Господствующее положение в государстве занимала турецкая феодально-бюрократическая верхушка во главе с султаном. Угнетенные народы — славяне Балканского полуострова, греки, албанцы, армяне, курды, арабы — вели упорную борьбу против своих поработителей. Середина XIX в. ознаменовалась рядом серьезных вооруженных выступлений арабов Сирии и Ливана против османского гнета. Нередко восстания возглавляли патриотически настроенные местные шейхи, пользовавшиеся большим влиянием и авторитетом среди соплеменников. Примечательно, что во многих случаях поводом к волнениям служили попытки властей насильственно вербовать арабов в турецкую армию. Такие волнения усиливались в период Крымской войны середины 50-х годов и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Арабы не только не хотели проливать кровь во имя чуждых им интересов, но особенно восставали против необходимости воевать с русскими. Ведь Россия, часто воевавшая с Османской империей, была с точки зрения араба его естественным союзником в борьбе с турецкими поработителями. Многим арабам было известно, что победа России над султанской державой в 1878 г. привела к освобождению некоторых балканских народов, которые также угнетались османскими феодалами.

Разжигание религиозной розни было одним из из-

любленных и традиционных методов борьбы османских властей с национально-освободительной борьбой арабов. Мусульман натравливали на христиан, христиан — на мусульман. Когда удавалось спровоцировать поножовщину, власти невозмутимо взирали на события, словно ничего не замечая. Пусть льется кровь смутьянов. Классический метод власть имущих еще с времен древнего Рима — «разделяй и властвуй!» Наконец принимались за дело солдаты в красных фесках, расправляясь с правым и виноватым.

Русский консул в Бейруте, принимая в своей скромной резиденции путешественников, жаловался на трудности службы, на недоброжелательство местных властей, а порой и откровенную вражду к представителям России. Десять лет миновало с окончания последней русско-турецкой войны, а султанские власти не могут забыть горечи поражения, территориальных потерь, того, что на политической карте Балканского полуострова появилось благодаря победе русских новое государство — Болгарское княжество. Местный губернатор уклоняется от всякого содействия консулу, не выполняет никаких его просьб, даже если речь идет об общепринятых протокольных представлениях в рамках норм международного права. Обычно он ссылается на свою некомпетентность, отсутствие прямых указаний из Константинополя. Вряд ли уважаемые гости могут рассчитывать на содействие этого упряма.

Далее консул рассказал о своих наблюдениях над здешними англичанами и французами. Их направляющая рука нередко ощущается за откровенной недоброжелательностью турецких властей. Подстрекательская роль некоторых западных держав очевидна. Англия и Франция были недовольны тем, что Россия, по их мнению, пожинала слишком щедрые плоды победы 1878 г., и попытались свести на нет условия предварительного мирного договора. В итоге южная половина Болгарии осталась под турецким игом. Эта дипломатическая услуга западных держав была щедро оплачена султаном. Англия, не сделавшая в войне ни одного выстрела, захватила Кипр. Английский и французский капитал чувствовал себя в Сирии уверенно и прочно. В Бейруте, Дамаске, Алеппо открывались все новые отделения западных банков, торговых и предпринимательских фирм. Англичане и французы не желали никакого присутствия России на Ближнем Востоке. А продажные турецкие власти неред-

ко поступали в угоду парижским и лондонским толсто-сумам.

Русский консул был настроен пессимистически и радовался, что уезжает в отпуск. Путешественников он предупреждал, что не следует рассчитывать на содействие властей. Более того, можно ожидать всяких досадных неожиданностей, а может быть и провокаций. Арабы в основной массе своей дружелюбно расположены к русским. На них можно всегда положиться как на добрых друзей. Среди арабов они найдут надежных проводников, погонщиков. Но, увы, арабы сегодня не делают политической погоды в Сирии.

Потом О. А. Щербатова напишет в своей книге: «Сегодня мы виделись со здешним русским консулом, уезжавшим на днях в Россию; он познакомил нас со своим помощником, заменяющим его во время его отсутствия. Мы справлялись как у консула, так и у губернатора относительно фирмана от турецких властей для свободного проезда внутрь страны, но нам сказали, что ничего подобного не требуется. Тем не менее мы из предосторожности просили бейрутского пашу выдать нам от себя какое-то свидетельство о наших личностях и о праве путешествия, он отказался таковое нам дать, о чем мы впоследствии очень жалели» [21, с. 9].

Переговоры с пашой оказались нудными и безрезультатными. Охранная грамота могла бы обезопасить путешественников от произвола местных турецких властей. Как показали последующие события, хлопоты о подобном документе были отнюдь не бессмысленными. Паша был любезен, учтив, но на все просьбы отвечал отказом.

Не получив фирмана, путешественники решили добиться хотя бы разрешения для каравана взять с собой огнестрельное оружие. Для переговоров с пашой отправился Александр Григорьевич. Он убедительно доказывал, что долгий и утомительный путь через Сирийскую пустыню небезопасен. Не исключены встречи с разбойниками и дикими животными. Наконец, необходимо оружие для охоты, так как большой караван будет нуждаться в пополнении своих запасов свежей дичью.

Щербатов изложил свои аргументы, однако паша упорно отклонял все его просьбы. Османские власти не могут разрешить каравану взять с собой ружья и патроны, поскольку их ввоз вообще запрещен в пределы Османской империи. Если русские путешественники нуждаются в защите, то власти готовы снабдить караван

в Дамаске конвоем. Если же русские нуждаются в дичи, то он, паша, велит настрелять ее сколько угодно. Ни о чем не договорившись с главой местной администрации, раздосадованный Александр Григорьевич возвратился на яхту. Прежде всего решили телеграфировать о сложившемся положении русскому послу в Константинополе, прося его содействия. Сперва намеревались задержать выезд из Бейрута до тех пор, пока не придет обнадеживающий ответ от посла. Потом все же приняли решение не терять времени и выступить с караваном. Удовлетворительный ответ мог и вообще не прийти. Наконец, враждебно настроенные к русским местные турецкие власти могли намеренно задержать или перевернуть телеграмму. Поэтому было решено, что супруги Щербатовы выступят во главе каравана, а Строганов останется в Бейруте в ожидании ответа из Константинополя. По получении телеграммы он должен нагнать караван в пути. Все же, чтобы не остаться совсем безоружными, Щербатов распорядился привезти ему вечером незаметным образом с яхты его ружье системы Винчестер с патронами.

14 марта караван выступает в путь. Дорога вьется по живописным холмам, покрытым виноградниками и рощицами оливковых деревьев. Вьючные верблюды и мулы тащат тяжелый груз: палатки, «походную мебель», кухонную утварь, продовольствие, подарки для местных шейхов. В экспедицию взяли пять палаток: три жилых — для Щербатовых, Строганова и матросов, столовую-гостиную и кухонную палатки.

Не доезжая Дамаска, в поселении Димас, Строганов, ехавший налегке, нагнал караван. Он сообщил приятную весть — от русского посла в Константинополе пришла депеша. Османские власти наконец-таки выдали разрешение каравану взять с яхты огнестрельное оружие, которое будет доставлено дилижансом в Дамаск. На этот раз путешественники отделались легкой нервозностью.

Дамаск... Город еще более разноликий, еще более пестрый и шумный, нежели Бейрут. Стройные, вонзающиеся в небо минареты, приплюснутые купола мечетей. Аркады старинных медресе с арабской вязью изречений из Корана, сплетенных в орнаменты. Стены, помнившие грозных арабских халифов из дома Омейядов и даже Селевкидов, захвативших внушительный кусок разваливающейся империи Александра Македонского. Все это —

многовековая, бурная история Сирии, история в камнях и орнаментах. А вот и сегодняшняя Сирия. Турецкий полицейский гонит колодников-арабов, награждая их ударами палки по спине. Ни стоны, ни крика, только глухая, затаенная ненависть в глазах арабов, сухопарых, продубленных солнцем. Нестройно шагает взвод солдат в красных фесках. Клопочут, шумят на все голоса базары. В этом шуме как-то теряются жиденские дребезжащие голоса колоколов христианских церквей. Иногда мелькают вывески английских или французских фирм, проникших и сюда.

Путешественники уделили немного времени осмотру достопримечательностей древнего Дамаска, его памятников. В книге О. А. Щербатовой мы находим довольно-скупое описание города. Щербатовы и Строганов стремились скорее углубиться в пустыню, объехать оазисы и арабские кочевья, завязать сношения с шейхами племен и осуществить свою заветную цель — купить скакунов хороших кровей.

В Дамаске наняли двух опытных проводников — шейха Насра из племени гомусс и Абдул Азиса из племени агейл. Представители этих племен как знатоки Сирийской пустыни обычно нанимались сопровождать караваны. Старший проводник Наср, собственно говоря, не был шейхом в прямом смысле слова, т. е. не был предводителем племени. Он лишь происходил из семьи шейхов, а обращались к нему так в знак особого уважения. Наср оказался преданным и незаменимым помощником путешественников. В самой сложной обстановке он не раз выручал караван, проявляя находчивость и самоотверженность. Ольга Александровна пишет о нем с большой похвалой и уважением. Все остальные местные участники каравана были арабами-маронитами. Среди них буфетчик с помощником, повар, три конюха, семь погонщиков мулов и два погонщика верблюдов. Кроме того, взяли с собой местного толмача Халиля и четырех человек с яхты: камердинера Василия, боцмана Курицина, ведавшего хозяйством, и матросов Карякина и Платова. Люди с яхты были вооружены берданками и револьверами. Общая численность членов каравана достигала 25 человек⁹. В Дамаске к каравану пристала собака, ставшая общей любимицей. Ее называли Белкой.

Длинной цепочкой растянулся караван, обходя зыбучие барханы. Медленно шагают по пескам верблюды,

мулы, ослы, кони. Впереди на верблюдах осанисто восседают шейх Наср и его помощник, уверенно ведущие караван. Кругом расстилается унылая желтая равнина: пески, скудная растительность. Изредка попадаются островки оазисов с финиковыми пальмами, апельсиновыми деревьями и шатрами бедуинов. В оазисах верблюды встречают караван истощенным надсадным ревом. Им вторит верблюд Насра. Бедуины предлагают путешественникам кров и свое гостеприимство.

Первым делом Сергей Александрович и Александр Григорьевич начинают переговоры с местным шейхом. Не продаются ли породистые арабские кони? Если хороших коней не находится, караван не задерживается долго в оазисе.

В книге Ольги Александровны немало строк посвящено арабам — как членам каравана, так и бедуинам из встречных кочевий. Она описывает их гостеприимство, врожденную учтивость, непринужденность. Вот запись, посвященная Насру и местным вождям Файаду и Мохаммеду: «Всякий раз, когда я входила в палатку, где находился кто-нибудь из вышеназванных бедуинов, или даже если я приподнималась со своего места, все они немедленно вставали и никогда не садились, пока я стояла. Сегодня за столом, когда шейх Файад и Наср обедали с нами, они оба так держались, будто бы вполне привыкли к тому, что, вероятно, впервые в жизни видели, т. е. накрытому столу, приборам и т. п. Украдкой наблюдая за нами, они своими действиями ничем не отличались от вполне образованных людей» [21, с. 42].

Посещая кочевья бедуинов, вступая с ними в контакты, путешественники наблюдали их образ жизни, характер, обычаи. Щербатова отмечает, что вся жизнь бедуинов проходит в постоянных передвижениях. На каждой стоянке они задерживаются два-три, редко четыре дня, пока хватает подножного корма для стад. Стада обычно пасутся в непосредственном соседстве с кочевьем, близости от палаток — из опасения набегов соседних племен. Как только травяные корма начинают истощаться, все племя двигается дальше на новые пастбища, расположенные обычно в 4—6 часах перехода от последней остановки. Кочевой образ жизни бедуины ведут круглый год. Весной и летом они двигаются к северу, где после зимних дождей наблюдается обилие трав, а осенью и зимой — к югу.

Место новой стоянки всегда выбирает шейх племе-

ни. Приезжая на новое место, он втыкает в землю свою пику там, где должен стоять его шатер. Кругом группируются палатки остальных бедуинов. Каждый из них, следуя примеру своего предводителя, втыкает в землю свою пику. Шейх также назначает день снятия кочевья и намечает приблизительное место для следующей стоянки. Автор отмечает, описывая пребывание в кочевье шейха Файада, одно примечательное проявление гостеприимства бедуинов: «Бедуинская учтивость требует, чтобы, пока палатки гостей не сняты, шейх племени не убирал бы своей, обычай, которого Файад сегодня строго придерживался, хотя все его соплеменники давно уже тронулись в путь, когда наконец последняя палатка была снята» [21, с. 43].

Не одни пески и скудная колючая растительность, да редкие островки финиковых пальм встречались на пути следования каравана. Попадались и следы древней цивилизации, которыми так богата Сирия. Вскоре после встречи с племенем шейха Файада путники натолкнулись на развалины древней Пальмиры, центра античной культуры, современника Рима. Перед их взором предстали все еще величественные каменные громады дворцов и храмов, возведенные много веков тому назад подневольными рабами. «Там, где ущелье внезапно обрывается, перед глазами путешественников разверзается великолепная картина на огромную равнину, усеянную всюду архитектурными древностями в различных степенях разрушения. Под самыми ногами высятся остатки старинной Пальмиры, по теперешнему Тудмур: храм Солнца, длинные колоннады, портики, ворота и др., а по уступам соседних гор — стены и башни, некогда грозные укрепления столь известной столицы римской провинции. Теперь между развалинами выросла большая туземная деревня, окруженная садами и полями, пересеченными ирригационными канавками. Горы окаймляют равнину с трех сторон, направляясь вправо от ущелья сначала на юг, а затем на восток, а слева — идя к северу и постепенно заворачивая к востоку и юго-востоку» [21, с. 48].

Далеко позади остались горы и развалины Пальмиры. Реже стали встречаться и бедуинские кочевья. Растительность выглядела все более скудной. Чаше и чаще встречались зыбучие пески. Наконец, караван вышел на территорию Зорского санджака в средней Месопотамии. Впереди светлела неширокая извилистая лента Евфрата.

Миновало двадцать два дня с тех пор, как караван покинул Бейрут, из них семнадцать прошли в безводной пустыне.

Путешественники разбили лагерь на берегу реки, вблизи небольшого городка Дейр (ныне Дейр-эз-Зор), в полуверсте от казарм турецкого гарнизона. Здесь, в этом арабо-турецком городке, административном центре области — санджака, еще никогда не бывали русские, и лишь немногим европейцам удавалось проникнуть сюда.

Дейр... Скоро это ничем не примечательное восточное название приобретет свой зловеший для путешественников смысл. Будет «дейрское пленение». Будут тревоги и опасности. На первых же порах ничто как будто не предвещало этого. Узнав о прибытии русских, губернатор Зорского санджака Мехмед Тевфик-паша направил своего адъютанта, чтобы поздравить путешественников с прибытием и предложить свои услуги. Возможно, что главная цель миссии адъютанта состояла в том, чтобы разведать обстановку в лагере и доложить своему начальнику, к чему можно придаться. А донимать путешественников придирадками и подвохами внешне любезный паша явно намеревался с целью вымогательства крупной взятки. Так потом расценила его действия сама автор книги «Верхом на родине бедуинов». Это было в духе традиционных нравов продажных османских чиновников всех рангов. Что предосудительного мог увидеть адъютант в лагере, разбитом на берегу Евфрата? Да хотя бы рослых парней с яхты в матросской форме, вооруженных револьверами и берданками.

Некоторое время спустя Александр Григорьевич, не подозревая о недобрых намерениях Тевфика-паши, отправился в сопровождении знающего турецкий язык Халиля с визитом вежливости к губернатору. На А. Г. Щербатова возложили протокольную часть: визиты, прием гостей, ведение переговоров. Спокойный, уравновешенный Александр Григорьевич как нельзя лучше подходил для этой роли. Его шурин Сергей Александрович взял в свои руки непосредственно закупку лошадей, считая себя более опытным коннозаводчиком.

Паша принял гостей более чем любезно, произносил цветистые речи, выражал радость, что столь знатные русские гости пожаловали в его санджак. Опять ничто, казалось бы, не предвещало опасности.

6-го апреля Сергей Александрович в сопровождении шейха Насра и других арабов намеревался выехать в

район Хомса, чтобы посетить там бедуинские кочевья и осмотреть лошадей. Когда он готовился к отъезду, в лагерь явился нарочный офицер от пашы и ошеломил путешественников неожиданным заявлением. Русские не представили специальной грамоты на право путешествовать в пределах османского государства, а тем более с оружием. Люди из каравана носят русскую военную форму. Его превосходительство Мехмед Тевфик-паша, призванный блюсти законы Османской империи в пределах вверенного ему санджака, вынужден задержать караван до тех пор, пока русские не выдадут своего оружия и одежду матросов и солдат.

Щербатов и его шури́н по очереди побывали у Тевфика-пашы. Терпеливо и долго втолковывали они ему, что претензии его необоснованны. Паспорта, выданные русским дипломатическим агентством в Каире, специально предназначены для путешествия по Палестине и Сирии. Разрешение на право иметь оружие получено через русское посольство в Константинополе, и об этом решении правительства Порты¹⁰ посол Нелидов сообщил телеграммой в Бейрут. Никаких солдат или военных моряков в составе каравана нет. Очевидно, представитель турецких властей ошибочно принял за таковых русскую прислугу, одетую в матросское платье. Это матросы с частной яхты Строганова, не имеющей ровно никакого отношения к российским военно-морским силам. Приводя неоднократно подобные доводы, Александр Григорьевич и Сергей Александрович твердо и категорично заявляли: «Оружие мы ни в коем случае не выдадим, ибо считаем таковой поступок недостойным русского имени!» [21, с. 57].

Слова русских мало подействовали на пашу. Если в начале переговоров он еще держался в рамках вежливости, то потом перешел к угрозам и запугиванию. Раздраженный упорством русских, Тевфик-паша грозился задержать караван в Дейре. Видя, что губернатор никак не дает себя убедить и действительно готов привести в исполнение свои угрозы, путешественники, посоветовавшись, прислали паше свое предложение. Пусть губернатор, не имея права настаивать на выдаче оружия, возвратит караван обратно в Дамаск под конвоем. Но и на это предложение не последовало согласия.

В дальнейшем Щербатов и Строганов отказались от намерений лично встречаться с пашой, высказывая таким образом свое отношение к нему, и стали посылать

для переговоров Халилия. Через него была передана просьба послать нарочного в Дамаск или любой другой город, где есть русский консульский представитель, чтобы удостоверить верность показаний путешественников. Но и в этом упрямый Тевфик-паша отказал.

Обстановка принимала самый серьезный и тревожный для русских путешественников оборот. Щербатовы и Строганов приняли решение послать собственного гонца в Алеппо (ныне Халеб) как ближайший город с русским консульством и телеграфной конторой. Об этом намерении путешественники довели до сведения турецких властей, настаивая на выдаче охранной грамоты для гонца. И эта просьба встретила отказ. Ответ на просьбу был примерно таким: положение, в которое попали русские, это дело самих русских, а не здешних властей, и пусть сами русские и принимают все необходимые для своего освобождения меры.

Итак, приходилось посылать гонца на свой страх и риск, посылать без ведома турецких властей. Выбор пал на шейха Насра, человека опытного, выносливого, знающего Сирийскую пустыню как свои пять пальцев и, как все свободолюбивые арабы, ненавидевшего турецких работодателей. Насра пригласили для откровенной беседы. Гонец должен знать все трудности, какие ожидают его в пути. Люди губернатора могут перехватить гонца где-нибудь в безлюдной пустыне, даже убить его. Это в интересах пашы, не желающего разглашать скандальную историю. Путешественники были убеждены в надежности и преданности Насра и не ошиблись. Проводник, не колеблясь, согласился тотчас отправиться в путь. Опасности не пугали гордого бедуина. Щербатова, высоко оценившая благородство и преданность проводника, пишет: «Шейх Наср, который за короткое время путешествия успел заслужить не только полное наше доверие, но и привязанность, ни минуты не колеблясь, согласился отправиться в Алеппо, причем обещал ехать днем и ночью и доставить ответ в шесть дней, хотя расстояние в один конец было в 300 верст» [21, с. 59].

Насра снабдили деньгами и лучшей во всем караване лошадью. В случае необходимости он имел возможность купить у бедуинов другую. Перед гонцом стояла задача передать русскому консулу в Алеппо письмо с подробным описанием всего случившегося, а также депешу послу в Константинополе Нелидову с просьбой содействовать скорейшему освобождению фактических пленников

и письма родным в Россию. Дешу, предназначенную послу, консул должен был передать в Константинополь телеграфом.

Получив напутствия и письма, Наср стал готовиться к отъезду. Сперва он, чтобы сбить с толку турецких соглядатаев, вышел из палатки и просидел часа полтора среди погонщиков, а потом украдкой оседлал лошадь и никем не замеченный выехал из лагеря. Это произошло в час дня 6 апреля.

Через некоторое время лагерь был оцеплен вооруженными турецкими солдатами. Возможно, властям все же стало известно о внезапном отъезде Насра. Первое время эта новая недружелюбная акция паши еще не была связана с ограничением свободы передвижения для путешественников. Так что супруги Щербатовы могли в тот же день побывать на базарах Дейра, а также на большом острове посреди Евфрата. Там Ольга Александровна сделала несколько удачных снимков местных жителей — женщин и детей.

Однако в последующие дни обстановка продолжала осложняться. Своенравный паша изобретал все новые и новые стеснения для путешественников. Предоставим слово Ольге Александровне: «Турецкие власти каждый день придумывают новые неприятности. Щербатов собрался на охоту по газелям, но часовые, увидев сборы, дали о том знать в казармы, и прибывший офицер объявил, что нам запрещено выходить за пределы города. Так как благодаря этой задержке были упущены утренние прохладные часы, то Щ. отложил свою поездку до следующего дня и послал Халилю сказать паше, что он поедет на другое утро на охоту, с позволения или без него, а если вздумается ему препятствовать силой, то это будет *«aux risques et perils»* [на свой страх и риск] губернатора. Последний, должно быть, испугался, что зашел слишком далеко, и прислал адъютанта с извинениями за случившееся будто бы недоразумением. Тем не менее нас теперь никуда не выпускают без солдат, двое из которых конвоируют всякого из нас, куда бы мы ни ходили. За каждым нашим движением зорко следят и старательно наблюдают, чтобы мы не сообщались с местным населением» [21, с. 61].

Вечером 9 апреля, на третий день после отъезда Насра, в лагере появился незнакомый бедуин, назвавшийся человеком из племени агейл. Из этого племени был второй проводник каравана Абдул Азис, нанятый в

Дамаске. Бедуин привел коня встреченного им в пустыне Насра, который, по его словам, купил другую лошадь для дальнейшей поездки и должен сегодня достичь Алеппо. Рассказ выглядел вполне правдоподобно. Шейх Наср был человеком известным и уважаемым среди кочевников Сирийской пустыни и мог попросить встречного бедуина из дружественного племени выполнить подобную просьбу. Все же тревога за судьбу Насра не покидала путешественников.

Время идет, а обстановка в лагере остается тревожной. Паша не смягчает ограничительных мер и выдумывает новые. «Один день сходен с другим своей монотонностью, что почти нечего и писать: ездим верхом, читаем и скучаем, в особенности С[троганов]; главное же занятие следить за дорогой, не едет ли Наср... Турецкие власти подвергают нас всевозможным неприятностям. Однажды нам заявили, что мы не только не имеем права покупать лошадей, приводимых в лагерь, но что местным жителям запрещено нам их показывать; один день нам объявляют о какой-либо стеснительной мере, а на другой день таковая отменяется, и так бывает почти ежедневно» [21, с. 64]. В этом свидетельстве Щербатовой примечательны сведения о стремлении турецких властей свести на нет контакты путешественников с арабским населением, чьи симпатии к русским были, несомненно, известны паше и его окружению.

Итак, положение каравана не менялось. А между тем ожидаемый срок возвращения Насра прошел. Можно было опасаться, что турки задержали его в пути или в Алеппо, или даже лишили его жизни. Поэтому путешественники делают попытку вырваться из плена. Было решено, что Щербатовы с частью каравана выступят в Дамаск. Все оружие они оставят Строганову, который с другой частью каравана и с матросами останется в лагере в ожидании ответа из Алеппо. По получении ответа он постарается нагнать первую часть каравана, делая ускоренные переходы. Эта попытка была сделана 16 апреля. Что из всего этого получилось, мы узнаем из книги Щербатовой, оставившей яркое описание одной из наиболее драматичных страниц путешествия.

«Сегодня турецкие власти окончательно доказали, что считают нас своими пленниками. Утром часов в десять, когда, согласно вчерашнему решению, вещи были уложены, палатки сняты и отдано приказание вьючить мулов, Ш. поскакал сказать губернатору, что так как

все оружие и матросы остаются в Дейре с С., то этим устраняется всякая попытка задержки его лично и меня, а поэтому не может быть препятствий к нашему отъезду, который и состоится в данном часу.

После этого введения через Халифа начались переговоры, тянувшиеся до часу дня. Паша продолжал упорствовать на своем и наконец объявил: что если мы попытаемся двинуться, то будем остановлены насильно и что ни с ружьями, ни без них, ни нас одних, ни одного из наших мукров [погонщиков], ни врозь, ни всех вместе он не выпустит до получения ответа из Алеппо.

В подтверждение своих слов губернатор прислал караул, человек в двадцать солдат при офицере, с заряженными ружьями, которые выстроились поперек дороги. Когда же Ш. велел мукрам двигаться с навьюченными мулами и сами мы тронулись вперед верхом, то солдаты по команде офицера взяли ружья наперевес и взвели курки. Удостоверившись таким образом, что Мехмет Тевфик не на шутку решился употребить вооруженную силу против нас, Ш. велел развьючить мулов и поставить палатки на старые места.

Комическая сторона этого происшествия был панический страх нашей туземной прислуги при виде вооруженных турок, которых они даже и без оружия боятся. Все они были неестественно бледны, а некоторые даже спрятались за деревья» [21, с. 65—66].

Вырваться из плена не удалось. Никаких вестей от шейха Насра не было. Лагерь окружали турецкие солдаты с заряженными ружьями. Что оставалось делать? Посоветовавшись, пленники пришли к убеждению, что в создавшемся критическом положении единственным выходом была посылка второго гонца в Алеппо. Выход был не очень надежным, даже рискованным. Приходилось подвергать опасности жизнь еще одного человека, без уверенности, что гонец благополучно вернется. Но иного выхода не было.

Для трудного поручения выбрали араба Саада из племени агейл, одного из погонщиков верблюдов. Он внушал доверие как человек исполнительный и надежный. Чтобы избежать возможных препятствий со стороны турецких властей, решили отправить Саада в тайне от турок глубокой ночью. В это время турецкие солдаты несли свою службу не слишком бдительно, а иные просто спали. Гонца тщательно проинструктировали в столовой палатке и вручили ему письма для русского и

французского консулов в Алеппо, послу Нелидову в Константинополь и родным в Россию.

Можно было ожидать, что русское консульство в Алеппо находится под неустанным надзором полиции, которая не допустит гонца-бедуина к консулу, задержит его. Поэтому и было решено, что в крайнем случае Саад обратится с письмом к французскому консульскому представителю. С Францией у России были все же не столь натянутые отношения, как с Англией. Консулу Французской республики сообщали обо всем случившемся с путешественниками. В конце письма была приписка: «Если вашего коллеги нет в Алеппо, то вся наша надежда сосредоточена на вас как для пересылки приложенных телеграмм, так и для скорейшего нашего освобождения, так как мы вполне убеждены, что вы не откажетесь принять для этого меры» [21, с. 67]. Путешественники проявляли заботу и о гонцах Насре и Сааде и просили русского консула взять обоих бедуинов под защиту консульства в случае, если им будут грозить неприятности со стороны турок.

Ранним утром 18 апреля буфетчик разбудил Щербатовых и Строганова. Долгожданная и радостная новость: прискакал на взмыленном коне Наср, живой и невредимый. Наскоро одевшись, путешественники собрались в столовой палатке, поздравили Насра с благополучным возвращением и стали расспрашивать. Наср рассказал, что доехал он до Алеппо на третьи сутки без всяких затруднений. Беспрепятственно вручил письма русскому консулу. Однако в Алеппо пришлось ожидать шесть дней ответа из Константинополя. Этим и объясняется его вынужденная задержка. Как только ответ пришел, он немедленно выехал обратно. Саад встретился ему на дороге невдалеке от Дейра. Наср вернул второго гонца обратно, правильно рассудив, что ему теперь незачем ехать.

Шейх привез приятные новости. К письму консула из Алеппо была приложена копия телеграфной депеши Нелидова из Константинополя. Депеша извещала, что османскими властями направлено строжайшее предписание управителю Дейра немедленно возвратить русским свободу. Новость, которую привез шейх, была встречена с ликованием. Но оно оказалось преждевременным.

Содержание бумаг, полученных из Алеппо, Щербатов и Строганов немедленно сообщили Тевфик-паше. Паша невозмутимо выслушал новость и ответил примерно сле-

дующее. Русским известно, что он, Мехмед Тевфик, должен дать свободу передвижения каравану. Но ему на этот счет ничего не известно. Никаких соответствующих указаний от начальства он не получал. Вот когда подобные указания придут, тогда и поговорим об этом. Итак, положение путешественников не улучшалось, а еще более осложнилось. «От радужного настроения, наступившего с приходом шейха, не осталось ни малейшего следа,— восклицает Щербатова.— Полное уныние овладело всеми, и каждый про себя думал, неужели еще долго придется сидеть в этом скучном городе!» [21, с. 69].

Дальнейший ход событий автор книги «Верхом на родине бедуинов» описывает следующим образом: «Вечером [18 апреля] прискакал бедуин из Алеппо с депешей для паши и, вместо того чтобы везти ее прямо по назначению, свернул в наш лагерь. Факт этот весьма замечателен, показывая, насколько относилось дружелюбно к нам все туземное население, так явно державшее сторону русских против ненавистных ему турецких властей. Прежде чем отпустить посланного, мы долго-долго соображали, как передать депешу губернатору, чтобы лишить его возможности скрыть ее от нас, а вместе с тем избавить бедуина от неприятности за его поступок, которым он оказал нам громадную услугу, уведомив о важной телеграмме, несомненно касающейся нашей дальнейшей судьбы.

...Наконец пришла радостная весть об окончании нашего плена. Сам Мехмед Тевфик, виновник всего происшествия, уехал несколько дней тому назад будто бы для объезда санджака. По всей вероятности, этот объезд был лишь предлогом, и вернее всего, что он испугался последствий своих козней и поэтому, чтобы избавиться от дальнейшей ответственности, поспешил передать власть помощнику, который должен был, таким образом, расхлебывать кашу, заваренную своим начальником.

Едва только мы узнали, что нет более препятствий к нашему выезду, как отдали приказание о немедленном выступлении. Тотчас же в лагере закипела работа: каждый, спеша покинуть надоевший всем Дейр, споро брался за свое дело: одни снимали палатки, другие помогали буфетчику и повару упаковывать кантины, матросы укладывали наш личный багаж, саисы седлали лошадей, мукры готовили вьюки. Халиль расплачивался с разными поставщиками и т. д. Вразрез с теми спорами и пререканиями, которыми в обыкновенное время сопро-

вождались подобные сборы, все на этот раз усердствовали помочь друг другу, не переставая дружески болтать и шутить... Мы вздохнули свободно только, когда город скрылся за холмами, сознавая, что в пустыне уже никто не может нас остановить и чувствуя себя лишь тогда вполне вне опасности» [21, с. 69—70].

Но и эти надежды не оправдались в полной мере. Тевфик-паша не оставил своих козней и тогда, когда караван покинул Дейр.

22 апреля путешественники достигли Арака, одного из ближайших от Дейра поселений в Сирийской пустыне. Здесь находился небольшой сторожевой пост, в котором и остановились на отдых. Солдаты угощали русских черным турецким кофе. Вдруг прискакал офицер в чине майора с тремя солдатами. Он объяснил, что направлен губернатором Тевфиком-пашой для почетного конвоирования русских гостей. Почетный конвой или стража?

Надо отдать справедливость, майор был корректен, предупредителен. Он даже от себя попросил Щербатова при случае замолвить за него словечко в Константинополе. Этот провинциальный служака, вероятно, искренне полагал, что русские имеют влияние при султанском дворе, коли им удалось осадить самого пашу Дейра, властного и упрямого. Как бы они не устроили неприятностей паше, а заодно и всей его свите?

Если бы турецкий офицер был только корректен и предупредителен. Но он был еще, не в пример другим здешним служакам, дьявольски бдителен и не выпускал русских из-под надзора ни на шаг. Должно быть, на этот счет существовала строжайшая инструкция паши. Постоянное присутствие турецких стражников стесняло путешественников. Но приходилось с этим мириться. Щербатова с иронией замечает: «По дороге Щ. и я несколько раз пытались отделаться от сопровождавших нас турок, не желая въезжать в Дамаск как пленные, конвоируемые солдатами. Но если мы задались этой мыслью, то, по-видимому, офицер и его заптии задались противоположной и не отставали от нас ни на шаг, каким бы мы аллюром ни ехали» [21, с. 77].

Миновали Дамаск, не задерживаясь в нем. Здесь произошло, пожалуй, только одно событие. Потерялась общая любимица, собака Белка, приставшая к каравану в Дамаске же, когда выступали отсюда в Сирийскую пустыню. Возможно, отыскала прежних хозяев.

Еще несколько переходов...

В Бейрут въезжали торжественно. Караван растянулся длинной цепочкой. Стройные красавцы-кони, купленные у бедуинов пустыни, вызывали восхищение даже у знающих толк в лошадях арабов. Впереди гарцевали на рыжей арабской кобыле Строганов. Рядом с ним ехал, помахивая копьём, шейх Наср, облачившийся по этому случаю в новое платье — белоснежную головную повязку аба и домотканый бурнус. За ними ехали Щербатовы. Ольга Александровна на рослом и норовистом жеребце белой масти. От путешественников не отставал конвой во главе с учтивым и надоедливым майором-турком. А за ними матросы и конюхи вели под уздцы новоприобретенных коней, шагали навьюченные мулы и верблюды.

Ровно семь недель продолжалось путешествие по пустынной стране, куда не так уж часто попадали в то время европейцы. Караван преодолел около 1200 километров по бездорожью пустыни. Все тяготы и опасности путешествия разделяла и О. А. Щербатова, проявившая и незаурядное мужество, и физическую выносливость. Ей, единственной женщине в караване, в ту пору шел тридцать второй год.

Итак, путешествие в Сирийскую пустыню закончилось. Каков же был его практический результат? Щербатова пишет: «Нами собраны драгоценные сведения о редкой и замечательной арабской лошади, родоначальнице всех лучших европейских пород. То, что мы видели и слышали про арабскую лошадь на ее родине, внушило нам никогда не изменившуюся затем любовь к этому благородному, кроткому, идеально красивому животному и побудило графа Строганова основать первый в России завод кровно арабских лошадей» [21, с. 79]. За время путешествия Строганов и Щербатовы приобрели 15 кровных арабских лошадей — 6 жеребцов и 9 кобылиц. Щербатовы закупили для себя только двух жеребцов. Все остальные лошади были приобретены Строгановым для своего конного завода.

Как пишет далее Щербатова, «познакомившись лично с арабской лошадию и удостоверившись во многих ее качествах, а также несомненной пригодности для улучшения верхового коневодства России, как-то ремонтного, охотничьего и в особенности степного, граф Строганов и князь Щербатов тотчас по возвращении своем из Аравии приступили к делу и завели: первый —

кровно-арабский рассадник и арабо-кабардинский завод, а второй — арабо-донской завод» [21, с. 93].

С целью составить себе полное и правильное представление о роли Строгановых и Щербатовых как русских коннозаводчиков мы консультировались с сотрудниками кафедры коневодства Государственной сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, которые пояснили, что С. А. Строганов был одним из крупнейших коннозаводчиков России. И хотя он, несомненно, заботился о приумножении собственных капиталов, однако объективно сыграл заметную роль в развитии русского коневодства благодаря закупкам в Сирии кровных арабских лошадей, что способствовало распространению в России арабской породы и скрещиванию ее с другими.

Интерес к арабской породе заставил Сергея Александровича в соавторстве со своим зятем Щербатовым написать «Книгу об арабской лошади». Она представляет для коневодов определенное значение и сейчас. Кстати, книга эта содержит список бедуинских племен, интересный для этнографов и географов.

Щербатовы не были крупными коннозаводчиками. Они владели только небольшим конным заводом в своем тамбовском имении Марьино, в котором было лишь несколько коней арабской породы. Но гораздо более серьезную роль Александр Григорьевич Щербатов сыграл в развитии русского коневодства не как коннозаводчик-предприниматель, а как общественный деятель, пропагандист, ратующий за широкое разведение арабской породы. Он писал статьи и брошюры по вопросам коневодства, выступал с публичными лекциями и в конце концов сумел привлечь внимание к арабской лошади Государственного коннозаводства, которое впоследствии сам и возглавил.

К ГИМАЛАЯМ

Через два с половиной года после возвращения из Сирии супруги Щербатовы отправились в Индию и на Цейлон. 31 декабря 1890 г. они сошли с трапа парохода в бомбейском порту.

Новое путешествие было более длительным: оно продолжалось три месяца и семь дней. Да и протяженность

маршрута была более внушительной. А отсюда и круг впечатлений оказался несоизмеримо обширнее. Путешествие породило толстый иллюстрированный фолиант — «По Индии и Цейлону. Мои путевые заметки 1890—91 гг.». Основной ее автор — Ольга Александровна Щербатова. Александр Григорьевич Щербатов написал лишь заключительную главу в книге, в которой дал свою оценку политическому и экономическому развитию Индии.

Прежде чем рассказывать о маршруте путешествия, о посещении Щербатовыми древних центров индийской культуры, о разнообразных впечатлениях путешественников, навеянных тропической природой Индостана, каменными шедеврами далекого прошлого, своеобразным бытом, религиозными системами, культурой разноязычного, разноплеменного населения страны, попытаемся выяснить общую авторскую оценку индийской действительности. У авторов книги была своя определенная система политических взглядов, был свой подход к современному социальному развитию Индии, к британскому владычеству в этой стране. Щербатовы пытались осмыслить все контрасты и противоречия индийского колониального общества. Как люди пытливые и наблюдательные, они не могли не замечать всех вопиющих пороков британской колониальной системы, ростков национального самосознания народов Индии, не желавших мириться с господством чужеземных захватчиков. Прошло не так уж много лет — всего лишь тридцать один год — после подавления англичанами крупного индийского народного восстания, вошедшего в буржуазную историографию под названием «сипайского». К. Маркс в цикле своих работ, посвященных восстанию, убедительно показал, что речь шла не о простом антибританском выступлении солдат колониальной армии — сипаев, а о восстании народных масс, объединившихся в борьбе независимо от языковой, религиозной и кастовой принадлежности.

Путешественники могли еще застать живых участников восстания, помнивших штурм англичанами Дели и Лакхнау и кровавые расправы, учиненные карателями. К приезду Щербатовых в Индию в этой стране уже существовали многие буржуазно-националистические организации, политические и просветительские, и среди них созданная незадолго до этого партия Индийский национальный конгресс. Набирающая силы индийская

национальная буржуазия остро ощущала свою экономическую зависимость от иностранного капитала, неконкурентоспособность, политическое бесправие и начала, пока еще робко, выступать в защиту своих интересов.

Какую же оценку этой сложной действительности колониальной Индии дали в своей книге русские путешественники? Оговоримся сразу — Щербатовы оставались представителями своего класса со свойственными ему предубеждениями и воззрениями. Но отдадим им должное: их воззрения скорее определялись системой взглядов буржуазно-либерального, реформистского направления. Ведь и по роду своей деятельности они тяготели не к сановно-бюрократической верхушке, окружавшей трон, а к обуржуазившейся аристократии, склонной к предпринимательству.

Выполнить нашу задачу нам поможет написанный А. Г. Щербатовым «Краткий обзор истории и современного положения Индии». В нем отразилась известная противоречивость взглядов автора: сочетание справедливых оценок британского колониального господства, признания бесперспективности и недолговечности этого господства, упоминаний о социальных пороках индийского общества, таких, как, например, ростовщичество, с известной идеализацией некоторых аспектов британской колониальной политики.

В исторической части своего краткого обзора автор не дает подробного изложения истории британского проникновения в Индию, полной драматизма. Как писал К. Маркс, «не подлежит никакому сомнению, что бедствия, причиненные Индостану британцами, по существу, иного рода и неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше... Гражданские войны, вторжения, перевороты, завоевания, голодные годы — все эти сменяющие друг друга бедствия, каким бы бесконечно сложным, бурным и разрушительным ни представлялось их действие на Индостан, затрагивали его лишь поверхностно, Англия же подорвала самую основу индийского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток его преобразовать. Потеря старого мира без приобретения нового придает современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана, управляемого Британией, со всеми его древними традициями, со всей его прошлой историей» [1, с. 131—132].

Щербатов ограничивается краткой констатацией: «В течение четырех столетий Индия была театром борьбы за владычество страной различных европейских наций. В этой борьбе принимали участие англичане, голландцы, французы, датчане, испанцы, австрийцы и шведы. Хотя все эти нации действовали одинаково через торговые компании, но англичане одержали верх главным образом благодаря предприимчивости и настойчивости их характера и, кроме того, тому обстоятельству, что английские компании не примешивали сначала к торговым целям никаких побочных — политических или религиозных и, не пользуясь поддержкой правительства, рассчитывали только на самих себя» [19, с. 536—537].

Эта оценка принципиально неверна. Победа англичан над своими соперниками обуславливалась не какими-то их исключительными качествами. Англия выступила в конкурентной борьбе как более развитая и сильная капиталистическая держава. Английскому завоеванию Индии способствовала феодальная раздробленность страны, сравнительная слабость отдельных индийских государств. Что же касается английской Ост-Индской компании, то почти с самого начала своей деятельности в Индии она ставила перед собой военно-политические, экспансионистские цели и играла роль административного и военно-карательного аппарата. При этом она пользовалась широкой и разносторонней поддержкой британского правительства, с помощью которого комплектовала свою администрацию, военные и военно-морские силы, оснащала их оружием и т. п. Оказывая всемерную помощь и поддержку компании, правящие круги Англии (а многие их представители были ее акционерами) предпочитали до поры до времени оставаться в тени. Аннексия и грабеж Индии непосредственно выполнялись руками частной компании, к которой правительство якобы не имело прямого отношения.

Далее Щербатов правильно отмечает, что англичане сочетали систему прямого и косвенного управления поработанной страной, используя как британских колониальных чиновников, так и индийских феодалов-радж. Лишенные всякой политической самостоятельности, раджи ставились под полный контроль британских властей: «При каждом туземном князе имеется английский резидент — постоянный контролер его действий. Вся Индия подразделяется на двенадцать английских провинций и двенадцать групп туземных княжеств, во главе

каждой из которых стоит представитель английской власти» [19, с. 546].

Аппарат управления колонии возглавляется вице-королем, который имеет неограниченные права и может фактически не считаться с мнением своих ближайших помощников. Никакого представительного органа при нем не предусмотрено. Вице-король назначается британским правительством сроком на четыре года. В его распоряжении имеется Совет в составе пяти-шести человек, ведающих различными отраслями управления. Сам он ведает иностранными делами. «Вице-король имеет право постановлять решение независимо от мнения большинства Совета» [19, с. 548].

Автор сознает паразитический характер британского колониального господства и пишет далее: «Но если переложить на деньги, получаемые Англией от Индии, косвенные выгоды, то несомненно, что они составляют немаловажную часть доходов, на которых основывается существование и благосостояние английского народа» [19, с. 555]. Это замечание можно признать за абсолютно справедливое, если социально аморфное понятие «народ» заменить в данном контексте понятием «капиталистическая Англия». Именно ее существование и благосостояние зависело от грабежа Индии.

Формальную ликвидацию Ост-Индской компании и принятие Индии в 1858 г. правительством Англии под свое непосредственное управление Щербатов склонен рассматривать как позитивный шаг в духе приобщения к «формам управления, основанным на началах современного государственного права» [19, с. 555]. На основании такого убеждения автор идеализирует систему гражданского управления колонией, организацию общественных работ и т. д. Но он замечает и другую сторону. Хотя, по выражению путешественника, «английское управление не оставляет желать ничего лучшего» [19, с. 555], он признает глубокую и непримиримую пропасть, существующую между колонизаторами и населением Индии. «Но как бы оно ни было совершенно, английское управление никогда не делается органической частью страны; оно постоянно будет иноземным элементом завоевателей, и, какие бы оно ни давало ему блага, население всегда будет относиться с подозрением относительно конечных его целей» [19, с. 556]. Причину этого автор видит в том, что англичане находят выгодным держать население во мраке невежества и суеве-

рий. «На деле, несмотря на громкие фразы, у англичан нет ни настоящей симпатии, ни заботы о действительной пользе индусов» [19, с. 556].

Известно, что англичане ставили себе в заслугу то, что они открыли в Индии немало школ, даже специальных средних, и ряд университетов. В действительности речь шла о ничтожно малом количестве учебных заведений для такой огромной страны с многомиллионным населением. Да и их открытие диктовалось отнюдь не заботами о просвещении индийцев, а собственными интересами: для колониального аппарата требовались грамотные чиновники, различные специалисты.

Щербатов нарисовал объективную картину убожества системы образования в колониальной Индии. Поэтому его высказывание на этот счет заслуживает того, чтобы привести его здесь целиком: «Народное образование совсем не имеет в виду развивать самостоятельность мышления и столь мало сообщает населению, что студенты даже не могут сравниться по развитию с гимназистами в Европе и не в состоянии выдержать соответствующего экзамена в Англии на классную должность по гражданскому управлению. Кроме того, все образование в Индии, направленное к вкоренению убеждения в населении о могуществе Англии, отличается малым количеством и узостью сообщаемых знаний и взглядов. Всемирная история есть только история английского превосходства над другими народами; в том же духе преподается и география. Положительные науки не сообщают достаточных познаний, чтобы студент мог получить должность выше второстепенной в практической деятельности, и индусы, желающие приобрести серьезные сведения, вынуждены для этого ехать в Англию,— путешествие, всегда сопряженное с большой опасностью для здоровья и возможностью лишения своего общественного и семейного положения на родине вследствие кастовых предрассудков. Все то, что могло бы благоприятствовать духовному и нравственному подъему индусов, устраняется английской администрацией под тем или другим благовидным предлогом» [19, с. 556—557].

С этой справедливой критической оценкой, данной Щербатовым, можно всецело согласиться. Однако возможность выхода из духовного порабощения он видит не в ликвидации колониального гнета, а в приобщении к христианству, проявляя в этом свою ограниченность. Уместно сказать, что смена религиозной системы ничего

не дает народу, кроме смены одного метода духовного угнетения другим. Известны примеры того, как исповедовавшие христианство страны находились в не менее тяжелом угнетении, нежели Индия. Достаточно привести пример католических Филиппин, тогдашней испанской и будущей американской колонии.

Щербатов объективен, отмечая далее, что любое политическое движение индийцев вызывает репрессивные меры со стороны колонизаторов, а все высокие слова англичан о демократических свободах на деле ровно ничего не стоят: «В случае малейшего политического движения люди и причины, их порождающие, немедленно удаляются и искореняются со всей энергией, на какую способны англичане. Английское управление весьма искусно пользуется фразами „гражданская свобода и веротерпимость“, чтобы тщательно поддерживать суеверные обычаи и общественные разграничения, происходящие от язычества и кастового начала» [19, с. 558—559]. Под «язычеством» автор подразумевает в данном случае индуизм, освящающий и закрепляющий религиозными предписаниями деление общества на касты. Щербатов отмечает, что кастовая система, в сохранении которой наряду с другими традиционно-архаичными институтами англичане были заинтересованы, содействовала общественной разобщенности индийцев.

Автор не имел возможности глубоко изучить социальные отношения в индийской деревне и уловить всю сложность системы землепользования. Тем не менее он справедливо подмечает, что настоящей язвой является ростовщичество: «Каждая деревня имеет своего бунякулака, который держит все население в полной денежной зависимости и пользуется безусловным покровительством английского закона, так что весь избыток дохода от земледелия остается в его руках» [19, с. 554].

Главную цель своего владычества в Индии англичане, по мнению автора обзора, усматривают в тех огромных денежных выгодах, какие дает эксплуатация колонии. Эти выгоды он разбивает на несколько рубрик: использование емкого индийского рынка с 300-миллионным населением для сбыта английских хлопчатобумажных тканей, металлических и других изделий; выгодное помещение капиталов в оросительные работы, железнодорожное строительство, плантационное хозяйство; возможности высокооплачиваемой службы для англичан в гражданском и военном управлении, на железной до-

роге, плантациях и пр.; возможности занять «70 тысяч английских пролетариев» на выгодной для них военной службе. Говоря о помещении капиталов, Щербатов отмечает, что вклады в плантации индиго, кофейного и хинного деревьев на общую сумму 4—5 млрд. индийских рупий дают прибыль 5—6% годовых, тогда как в Англии общепринятый процент на капитал вдвое меньше (2—3%) [19, с. 559].

«Все громкие слова англичан об их благотворном влиянии суть не более как фразы,— восклицает далее автор.— Опираясь на свою организацию, на 200 000 войска и 150 000 полиции, вооруженной и дисциплинированной, англичане отлично сознают свою силу относительно обезличенной ими, деморализованной своей религией массы» [19, с. 562].

Ссылаясь на мнение некоторых английских и индийских государственных деятелей, например главного министра низама Хайдарабада, автор указывает на плачевные результаты английского управления, выражающиеся в обнищании населения и истощении производительных сил страны. Щербатов дает в этой связи меткое и образное определение английского управления, сравнивая его с громадной дренажной системой, которая вытягивает из страны все соки в пользу Англии. Англичане остановили прилив к земле капитала и разумного труда, поскольку все доходы земледельца направляются на оплату дорогостоящей британской администрации и процентов по капиталовложениям английских предпринимателей. В результате земля, обрабатываемая из года в год и дающая ежегодно по два урожая, истощается.

По убеждению Щербатова, «владычество англичан в Индии не есть явление нормальное для страны, вся история которой прошла в постоянном покорении и подчинении наплыву новых завоевателей из более энергичных северных рас» [19, с. 563]. Автор признает крайнюю непопулярность англичан в Индии. Он усматривает одну из главных причин неприязненности индийцев к англичанам в отсутствии какого-либо возвышенного принципа в основе их управления.

Путешественники отмечают тяжелое положение политически бесправного населения страны. Никакими политическими правами не располагали даже зажиточные индийцы: помещики, торговцы, предприниматели. «Вопреки букве закона положение туземцев, какого бы они ни были звания, крайне приниженное в сравнении с по-

следним из англичан», — справедливо подмечает автор обзора [19, с. 563]. Далее он пишет, что почти все слои индийского населения постепенно беднеют, нередко терпят голод. Щербатов приходит к убеждению, что англичане в Индии лишили себя социальной опоры, и им не на кого будет опереться в случае каких-либо осложнений. Автор выражает уверенность, что освобождение Индии от английского владычества произойдет и «будет причиной нарушения экономического благосостояния и падения политического могущества Англии» [19, с. 566].

Давая характеристику индийского народа, Щербатов не избежал, к сожалению, влияния буржуазно-шовинистических концепций идеологов британской колониальной политики. Он упрекает индийцев в непонимании гуманизма европейцев, фетишизирует изнеживающее и расслабляющее, по его мнению, влияние климата на местное население, пытается найти негативные черты в самом характере индийцев, делающие якобы неизбежным их подчинение завоевателям. В то же время он обнаруживает в британском владычестве и некое позитивное начало: англичане якобы установили мир в Индии, покончили с феодальными усобицами, разбоем, избавили население от голодовок. Однако голодовки, уносившие сотни тысяч людей, были обычным явлением в колониальной Индии, о чем косвенно сам автор упоминает в другом месте обзора. Никакого долгожданного мира в стране не наступило. Только теперь, при колонизаторах, мир нарушался не феодальными усобицами, а народными волнениями, восстаниями против колонизаторов и карательными экспедициями против восставших.

Чувствуя зыбкость своих рассуждений, автор снова переходит к негативным оценкам колонизаторов: «Но признавая все вышесказанное в оправдание английского владычества, нельзя не выяснить и другой стороны медали. Собственно заслуги англичан в этом нет: как при управлении компанией имелись в виду только денежные выгоды, так и теперь Англия ничего не дает даром Индии, а дает на таких выгодных условиях, которых она нигде бы не получила. При компании обладание Индией было доходным торговым предприятием, теперь это — доходное финансовое предприятие» [19, с. 561—562].

Итак, оценки индийской действительности, которые мы находим в труде Александра Григорьевича Щербатова, были во многом справедливыми, критическими, хотя

и не во всем последовательными. Трудно было бы и ожидать от богатейшего русского аристократа последовательности, четкого понимания всего хода исторического развития Индии и бескомпромиссного радикализма в критике британских колонизаторов. И все же будем справедливы к путешественнику. Пытливый ум, наблюдательность и просто элементарная объективность и честность исследователя позволили ему нарисовать картину, близкую к горькой действительности. Щербатов высказал в целом свое резко негативное отношение к системе британского колониального господства в Индии, подметив многие его язвы и вопиющие пороки, показал хищнический характер британской буржуазии и увидел страдания индийского народа.

Во время своего пребывания в Индии путешественники побывали в различных районах страны. Передвигались пароходом, поездом, в экипаже, верхом и пешком. Прибыв на пароходе «Бенгал» в Бомбей, Щербатовы познакомились с городом в течение четырех дней. Отсюда они выехали на том же пароходе на Цейлон, где и находились неделю. 14 января 1891 г. небольшой пароходик местной линии «Клэн Бьюкэнен», в числе пассажиров которого были и Щербатовы, вышел из Коломбо и взял курс на Мадрас. Прибыв 18 января в этот порт на восточном побережье страны, путешественники совершили поездку в экипаже по его окрестностям и 25-го выехали поездом в глубь Деканского нагорья. Здесь они осмотрели развалины древней Голконды в районе Секундерабада, достопримечательности Хайдарабада, столицы владений низама, крупнейшего из индийских вассальных князей. Отсюда прибыли поездом в Бомбей, из которого выехали поездом же в северо-восточном направлении. Дальнейший маршрут пролегал через Бароду, центр одного из крупнейших индийских княжеств, Ахмадабад, Читтур, Удайпур, Джайпур и Дели. В каждом из этих пунктов путешественники делали остановку, знакомясь с местными достопримечательностями.

В Дели, бывшей столице Великих Моголов, городе величественных памятников, Щербатовы пробыли четыре дня. Из Дели выехали 21 февраля в Пенджаб. Оттуда путешественники возвратились в Центральную Индию, побывав в Агре, где любовались величественным и прекрасным мавзолеем Тадж Махал, Гвалиуре, Аллахабаде и Бенаресе (Варанаси), священном городе индуистов на реке Ганг. 7 марта прибыли в Калькутту, бывшую

столицу владений английской Ост-Индской компании, тогда — столицу Британской Индии. Пробыв здесь два дня, путешественники переправились через Ганг на пароходике и отправились по железной дороге на север, к подножью Гималаев. Железная дорога заканчивалась в горном городке Дарджилинге. Дальнейший путь в Гималаях продолжали на лошадях — где в экипаже, где верхом. Из района Гималаев Щербатовы возвратились 30 марта в Калькутту, а 6 апреля отплыли от берегов Индии на пароходе «Ассам».

Отправимся же в путешествие по Индии и Цейлону вместе с супругами Щербатовыми. Наш рассказ мы будем подкреплять свидетельствами самой Ольги Александровны, заимствованными из ее книги.

Бомбей быстро превращался в один из крупнейших деловых центров Южной Азии. На широкой набережной, обсаженной пальмами, и прилегающих улицах вырастали здания иностранных банков и фирм, особняки дельцов. Разбогатевшие индийские торговцы старались не отставать от британских и тоже возводили особняки и деловые здания. В Бомбее сложилась влиятельная прослойка местных компрадоров, занимавшихся торгово-посредническими операциями, обслуживая крупных представителей английского капитала. Некоторые из этих разбогатевших местных торговцев открывали собственные текстильные фабрики и др. Но пока это еще были исключения из правил. Британская буржуазия цепко держала экономику страны в своих руках, а Бомбей был признанным центром английского бизнеса в Западной Индии.

В архитектуре оформилась своеобразная смесь благообразного викторианского стиля с его колоннадами, портиками и ротондами и ложномавританского, отличающегося стрельчатыми аркадами и лоджиями. Щербатова пишет, рисуя картину бомбейского делового центра: «Очень красив европейский квартал Бомбея с его широкими улицами, которые обсажены аллеями великолепных „священных смоковниц“ (разновидность фиговых деревьев). Публичные здания, как-то секретариат, телеграф, почта, университет и другие, очень хороши, и их архитектура представляет смесь английского и восточного стилей. Этот последний особенно проявляется в широких крытых галереях, которые, окружая всю застройку и заслоняя ее от солнца, значительно освежают комнаты, свежесть которых является почти необходи-

мостью в этом удушливом климате. В многочисленных европейских магазинах можно найти всевозможные предметы и, приезжая в Индию, нет никакой надобности запастись всем необходимым в Европе» [19, с. 25].

О социальных контрастах Ольга Александровна пишет скупно. И все же контрасты эти улавливаются при чтении книги: «Вдоль дороги теснилась обыкновенная толпа полуголых туземцев, между деревьями мельком виднелись их маленькие белые хижины» [19, с. 27].

Автора заинтересовали парсы-огнепоклонники с их обычаями, заметно отличающимися от обычаев индуистов и мусульман. Парсов, выходцев из Ирана, немало проживает в районе Бомбея. Они составляют зажиточную прослойку, занимаясь торговлей, предпринимательством, финансовыми операциями. Один из своеобразных обычаев парсов — погребальный обряд. Если мусульмане и христиане хоронят своих усопших в земле, а индуисты кремируют, то парсы оставляют их на верхних открытых площадках так называемых башен молчания на растерзание грифам. На окраине Бомбея можно увидеть эти башни-кладбища, мрачные приземистые сооружения, привлекающие стаи хищных птиц.

Если не открыто враждебное отношение, то, во всяком случае, подозрительность англичан к русским проявлялась и здесь. В Бомбее путешественники встретили офицеров с русского военного корабля. Сюда изредка заходили корабли российского военно-морского флота, следовавшие с Балтики или Черного моря на Дальний Восток. Иногда флотские офицеры направлялись к месту дальневосточной службы на торговых судах, заходивших в индийские порты. Встреченные в Бомбее моряки жаловались путешественникам, что «англичане относятся довольно подозрительно к ним, как ко всем русским, хотя вместе с тем они всегда очень любезны и охотно приглашают всех на свои обеды и вечера. Ввиду прихода нашей эскадры, в первый раз появившейся в здешних морях, они даже вооружили две новые морские батареи и усилили численность местных военных судов. Нашим офицерам запретили ходить на охоту даже в окрестностях Бомбея без особого на то разрешения» [19, с. 39].

О своих цейлонских впечатлениях из-за кратковременности пребывания на этом острове Щербатова пишет мало. Мадрас встретил путешественников шумной суто-

локой набережных. Однако и по масштабам деловых операций, и по многолюдности город этот уступал Бомбею. Главным центром бизнеса Восточной Индии был не Мадрас, а расположенная северо-восточнее Калькутта.

Дальше Щербатовы отправляются в отдельном салон-вагоне с мягкими диванами. За окном поезда мелькают типичные индийские пейзажи: рисовые поля, рощицы кокосовых пальм, лачуги крестьян из камыша и бамбука, виллы помещиков-заминдаров с просторными верандами и черепичными крышами.

Поезд взбирается на Деканское нагорье. Рисовые поля сменяются плантациями хлопчатника. Из окна вагона они кажутся присыпанными хлопьями белой ваты. Начинаются владения низама Хайдарабада. Это самое крупное в Индии княжество, как отмечает в своей книге Щербатова, по площади лишь немного уступает Великобритании. Его население около 12 млн., из которых одну десятую составляют мусульмане, а остальные — индуисты. Сам низам принадлежит к мусульманской династии. Он сказочно богат, и тем не менее, подобно другим индийским раджам и махараджам, остается марионеткой в руках колонизаторов. Годовой доход Хайдарабада достигает 7 млн. ф. ст. Низам содержит за свой счет 15 тыс. регулярного войска и около 44 тыс. иррегулярного.

Вблизи Секундерабада находятся развалины знаменитой Голконды, столицы могущественного средневекового государства. Когда-то она славилась великолепными дворцами и храмами. Теперь это место приобрело известность как самый большой в Индии лагерь колониальных войск, входящих в состав Мадрасской армии. В нем стоит обычно около 3 тыс. европейских и 5 тыс. местных солдат. Этот контингент, по договору англичан с низамом, должен содержаться за счет английского правительства. Но низам был вынужден уступить властям провинцию Берар, за счет которой и содержится это войско. Берар была одной из самых богатых областей Хайдарабада, и доходы с нее почти вдвое превышают сумму расходов, требующихся на содержание войска. Излишек, естественно, идет британским властям. «Но это только один из многих примеров алчности и недобросовестности покорителей по отношению к покоренным», — замечает путешественница [19, с. 109—110].

Англичане говорят, что секундерабадское войско

нужно для того, чтобы прийти на помощь низаму, если его подданные восстанут против него. В действительности же этот гарнизон — постоянная угроза для низама, что заставляет его быть послушным и податливым. Это положение хайдарабадского правителя подметила Щербатова: «Главный интерес Гайдерабада состоит в том, что он главный город самого большого туземного государства в Индии, царствующий князь которого, по титулу низам, считается важнейшим из магометанских, так называемых независимых князей. Я говорю, так называемых независимых, потому что, хотя низам де-юре таков, но де-факто он далеко не свободен в своих поступках, и ему во всех важных делах приходится действовать согласно желанию британского правительства. К тому же многие из главных административных мест заняты теми же англичанами, и при дворе живет постоянно английский резидент. Поэтому понятно, что бедному низаму не особенно удобно управлять независимо своей страной, в особенности имея в виду европейское войско, находящееся в семи верстах от его столицы и служащее ему постоянной угрозой в случае его неподатливости» [19, с. 110].

В Хайдарабаде, Бомбее, Дели и других индийских городах Ольга Александровна встречалась с местными женщинами, представительницами разных классов, сословий, каст. Она живо интересовалась положением индийской женщины, еще всецело находившейся во власти диких средневековых обычаев и предрассудков, семейного деспотизма сперва отца, а потом мужа. Лишенная элементарных прав и свобод, она не могла открыто появляться в общественных местах, вынуждена была вести жизнь затворницы, забитого и бесправного существа: затворницами были как мусульманки, так в определенной мере и индуски. Кое-где индуски еще следовали старому изуверскому обычаю самосожжения вместе с останками покойного супруга.

Щербатова не может привести свидетельства того, что английские колонизаторы стремились бороться против подобных диких обычаев и облегчить положение индийской женщины. Самые архаичные институты и обычаи поддерживались англичанами и рассматривались как средство духовного порабощения женщины в Индии. Все же англичане вынуждены были кое-что сделать, считаясь с духом времени и передовым общественным мнением. «Теперь повсюду в Индии сильное движение

в пользу дарования большей свободы женщине», — замечает автор [19, с. 122]. Англичане создали в стране несколько школ закрытого типа, увеличили число женщин-врачей и акушерок. Щербатова склонна переоценивать эти мероприятия как якобы старания колонизаторов, направленные вообще на улучшение быта индийских женщин. В действительности же все это было лишь каплей в море и не могло серьезно изменить существующее положение, поскольку сохранялись все пережитки и предрассудки, способствующие принижению женщины. Более того, особенно трагичным оказывалось положение женщины, получившей образование и вынужденной вернуться к затворническому образу жизни, в обстановку семейного деспотизма. Это признает и Щербатова.

Во время поездки по Декану и другим районам Индии Щербатовы наблюдали многие сохранившиеся феодальные пережитки. Помещики-заминдары сохраняли черты феодалов-деспотов, угнетая бесправное крестьянство. В этой связи Щербатова пишет: «В некоторых из больших туземных государств Индии, как, например, здесь, в Удайпуре, Майсоре и др., сохранились совсем средневековые обычаи. Так, каждый крупный землевладелец-дворянин живет у себя в деревне как независимый князек: имеет свой двор, свое маленькое войско и управляет, судит, наказывает своих подданных в своих владениях, как хочет и как знает; единственное, что от него требуется его сюзереном, — это уплата податей, а затем он более или менее обязан раз или два в год жить некоторое время в столице и являться ко двору. В таких случаях он продолжает быть окруженным своими вооруженными служителями, которые у каждого набоба имеют собственный мундир» [19, с. 134].

Путешественники пересекли всю центральную часть Индостанского полуострова и достигли его западного побережья, вновь очутившись в Бомбее. Оттуда они направились на север, в Дели. Первым большим городом на их пути оказалась Барода, центр довольно крупного княжества, с населением, превышающим 2 млн., 90% которого составляют индуисты, 8% — мусульмане, остальные — представители других религий и сект.

И здесь, как и в Хайдарабаде, путешественники отмечают жалкую роль правителя, превращенного колонизаторами в безвольную пешку в руках всемогущего резидента. В Бароде это еще усугублялось молодостью князя, вступившего на престол семнадцатилетним юношей.

Предыдущий правитель по имени Малхар Рао был отстранен англичанами под тем предлогом, что он якобы намеревался отравить английского резидента. Он не имел потомства и вынужден был воспользоваться традиционным правом усыновления, остановив свой выбор на мальчишке неизвестного происхождения. Наследник престола получил воспитание под руководством английских гувернеров в европейском духе. Став правителем после отстранения приемного отца, он значительную часть своего номинального правления провел в поездках по Европе.

Ежегодный доход княжества составляет 1,2 млн. ф. ст. Третья часть этой суммы тратится на содержание княжеского войска. Эта приведенная в книге Щербатовой цифра позволяет сделать некоторые выводы. Если предположить, что на личные нужды князя, содержание его дворцов и двора тратилась также значительная часть бюджета, то на экономические и социальные нужды княжества оставалась ничтожно малая доля; а поэтому экономическая и социальная жизнь Бароды, как, впрочем, и других индийских княжеств, представляла картину застоя и упадка. Армия княжества состояла из шести пехотных полков, кавалерийского эскадрона и пяти артиллерийских батарей, не считая некоторого числа иррегулярных войск. Она «служит более украшением, чем представляет собой действительную военную силу» [19, с. 142].

В Бароде Щербатовы осмотрели дворец правителя и встретились с ним самим. В других городах следовали неизменные осмотры исторических памятников, древних руин, индуистских храмов, посещения вечерних базаров, мастерских ремесленников, напоминавших маленькие художественные музеи, многочисленные встречи с разными людьми — от уличных разносчиков до придворных и раджей. В храмах поражали загадочные усмешки каменных богов. Индуистский пантеон весьма многочислен. Во главе его стоит триединая Троица-Тримурти — Шива, Брахма и Вишну. Шива — грозное многорукое существо, испепеляющее и разрушающее. Его супруга выступает в различных воплощениях. Это жестокая карающая богиня, изображаемая чаще всего с занесенным над головой мечом. Необычен Ганеша, сын Шивы, удивительное существо с головой слона и туловищем ребенка. Есть еще богиня Сарасвати, покровительница наук, бог солнца Сурья и многие другие. Злых демонов — ракша-

сов, с устрашающим обликом, когтистых, клыкастых, — великое множество. Сколько же десятков, сотен или даже тысяч небожителей, которых должен почитать индуист? На это никто не может ответить точно. В храмах бесплотными тенями движутся жрецы-брахманы, сухопарые аскеты в белых одеяниях. А есть еще йоги, дервиши, отшельники, святые, принявшие обет подвижничества, взлохмаченные, полуголые и неопрятные, с отрешенным взором безумных фанатиков. Другие, наоборот, хитровато ухмыляются с видом заправских шарлатанов и мошенников. Они наносят себе увечья острыми предметами, шагают босиком по раскаленным углям, прокалывают щеки иглами, демонстрируя зевакам отсутствие болевых ощущений. Поди разберись — кто из них натренированный йог, кто просто ловкач, умеющий проделать эффектный фокус.

В одном из городов путешественники посетили школу, оставившую неблагоприятное впечатление. Это дало основание Александру Григорьевичу сделать нелестные выводы о системе просвещения.

Описывая свои впечатления от посещения одной из западных провинций, Раджпутаны (Раджастхан), населенной раджпутами, Щербатова подметила здесь своеобразную общественно-политическую организацию, которая не сохранилась в других районах страны. Автор книги «По Индии и Цейлону» пишет: «В 1818 году при лорде Хастингсе Раджпутана получила ту политическую организацию, какую она сохранила до сего дня. Большинство князей платит дань английскому правительству.

Наследственная феодальная, или племенная, система прежних индусов, которая была всюду уничтожена мусульманской централизацией, существует до сих пор еще в Раджпутане, и большей частью землю владеют на феодальных началах. В настоящее время у Махараны [титул главного феодального правителя в Раджпутане] пятьдесят один личный вассал, которые пользуются правами и привилегиями, какие не существуют нигде в других частях Раджпутаны. В своих поместьях, где они обязаны содержать полицию, преследовать преступников, защищать торговлю и проч., они живут с большой пышностью и роскошью и признают только одну верховную власть, т. е. своего сюзерена — Махарану. Они ему лично платят известную подать.

Народ, населяющий поместья вассалов, находится в

полной от них зависимости, хотя, впрочем, пока он платит требуемый от него налог, за ним признается постоянное наследственное право владеть землей. Когда ленный вассал входит к Махаране, весь двор встает. По слухам, доходность всех вассалов равняется двум миллионам рупий, доход же Махараны приблизительно три миллиона с половиной (около 2 300 000 рублей)» [19, с. 182—183].

Далее автор отмечает, что небольшие местечки находятся в особой зависимости, называемой бхум. Такие местечки владеют землей на основе вечного и наследственного права с условием нести определенную службу, например содержать караулы, охранять дороги или прислуживать в определенных случаях князьям.

Дели заинтересовал путешественников своей бурной историей и великолепными памятниками эпохи Великих Моголов. Среди них выделялись Красный форт, превращенный в английские казармы, и стройный высокий минарет Кутаб Минар, поражающий своими гармоническими пропорциями.

Щербатова дала яркое описание столицы Могольского государства. Императоры Бабур, Акбар, Аурангзеб выступали как грозные завоеватели. В состав империи Великих Моголов вошла почти вся Индия, за исключением крайнего Юга. Но могущество их было недолговечным. Начался процесс феодальной раздробленности, упорная борьба народов против захватчиков, нашествия сильных соседей — иранцев и афганцев. Все это ослабило Могольское государство, привело к распаду империи и облегчило в конечном итоге для англичан завоевание Индии. Могольский император был низведен до роли бессильного правителя, реальная власть которого простиралась только на Дели и его окрестности. Он становится марионеткой в руках более сильных князей, а позже — Ост-Индской компании. Последний император — Бахадур-шах закончил свою жизнь в ссылке, а его сыновья были убиты командиром британского карательного отряда Ходсоном во время кровавой расправы над участниками народного восстания 1857—1859 гг.

Дели был одним из центров этого самого мощного в истории Индии восстания против колониального гнета, охватившего все слои общества — от крестьян-бедняков до патриотически настроенных феодалов. К. Маркс писал: «Это первый случай, когда сипайские полки перебили своих офицеров-европейцев; когда мусульмане и

индусы, забыв свою взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ; когда «беспорядки, начавшись среди индусов, в действительности привели к возведению на трон в Дели императора-мусульманина»; когда восстание не ограничилось несколькими местностями и, наконец, когда восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением всеобщего недовольства великих азиатских народов английским владычеством, ибо восстание бенгальской армии, без сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами» [2, с. 241].

Русские путешественники имели возможность встретить многих живых участников восстания и не могли обойти это историческое событие в своей книге. Щербатова отмечает, что восстание охватило значительную территорию, и излагает ход событий. Сообщая о жестокостях восставших, путешественница находит им оправдание: «Томившееся в продолжение полустолетия под железным игом англичан население, почувяв свободу, мстило своим бывшим покорителям всеми возможными способами. В оправдание индусов следует сказать, что их ненависть к завоевателям была вполне понятна; эти последние систематически унижали их и на каждом шагу оскорбляли самые дорогие их предания и самые священные их обычаи. Кроме того, они с высоты своей британской холодной надменности смотрели на туземцев не как на равных себе людей, а как на нечто среднее между животным и человеком. Вследствие всего вышесказанного неудивительно, что индусы не питали особенно нежных чувств к иностранцам, лишившим их свободы и заменившим, правда нередко тяжелую, но все же родную, патриархальную власть махараджей и раджей чужеземным правительством с непонятными для них порядками» [19, с. 236—237].

Из Дели Щербатова направили свой путь на восток, в провинцию Пенджаб, в район города Лахора. Пенджаб был главным районом страны, производившим пшеницу. Северная часть провинции обладала более мягким климатом, значительно отличающимся от влажного и жаркого климата низменных приморских районов. Здесь жило много мусульман и сикхов — представителей крупной религиозной секты. Монотеистическое учение сикхов сочетало некоторые положения индуизма, сектантского движения бхакти и мусульманского суфизма. Сикхи придерживались строжайшего запрета с момента рождения человека на стрижку волос. Муж-

чины-сикхи заплетали кудри в прически наподобие женских и прикрывали их тюрбаном, напоминающим мусульманскую чалму. Бороду, которая также никогда не стриглась, заправляли в волосяную сетку, плотно прилегающую к скулам. Рослые картинные сикхи, гордые и свободолюбивые, привлекли внимание путешественницы.

Пенджаб дольше других районов Индии сохранял самостоятельность и противился установлению британского господства. Упорно преследуемые в свое время моголами сикхи, как отмечает Щербатова, придерживались традиционных обычаев и верований. После падения Могольской империи секта сикхов превратилась в серьезную политическую силу. Разветвления сикхских конфедераций стали основывать на берегах реки Сутледж феодальные княжества. Во второй половине XVIII в. сикхи сплотились в сильное централизованное государство, во главе его встал талантливый государственный деятель и организатор Ранджит Сингх, создавший боеспособную армию. Столицей его государства становится город Лахор на севере Пенджаба.

«Ранджит Синг — основатель сикхского государства, родился в 1780 году, — пишет о нем Щербатова. — Когда ему было двадцать лет, он, добившись от афганского эмира назначения себя губернатором в Лагор, задумал основать свою личную власть на религиозном фанатизме своих соотечественников. Он организовал сикхов, или «освобожденных», под предводительством европейских офицеров в войско, которое по стойкости и религиозному пылу не имело себе равных со времен Кромвеля в Англии.

Из своей столицы Лагора Ранджит Синг распространил свои завоевания на юг до Мултана, на запад до Пешавера и на север до Кашмира. Только с востока он был стеснен Сутледжем, до которого с 1804 года простиралось владычество английского правительства. В 1809 году Ранджит Синг заключает известный трактат с англичанами, и до самой смерти, в 1839 году, он честно соблюдал его. Но после него не осталось никого, кто был бы способен управлять его царством. Лагор был раздираем несогласием соперников — генералов, министров и королев. Единственную сильную властью было войско *кхалза*» [19, с. 265—267].

Усобицы, охватившие государство сикхов при слабых преемниках Ранджита Сингха, обнаружившиеся со всей остротой противоречия внутри самого сикхского фео-

дального общества и вражда между сикхами-завоевателями и покоренными народами ослабили Пенджабское государство и в конечном счете привели его к гибели. Этим воспользовались англичане, ждавшие своего часа, чтобы лишить независимости последнее крупное индийское государство. В столкновении с британской армией сикхское войско, несмотря на свою неплохую для того времени военную организацию и боеспособность, потерпело поражение. Две англо-сикхские войны оказались неудачными для сикхской стороны. Англичане заняли Лахор и оккупировали Пенджаб. «Пенджаб в 1849 году сделался британской провинцией, а махарадже Дюлип Сингу была назначена пенсия в 58 000 фунтов стерлингов, но вследствие вероломности англичан он не получил и четвертой части этой суммы», — сообщает Щербатова [19, с. 268]. С завоеванием Пенджаба закончилось британское завоевание Индии. Британская колония сложилась в тех границах, какие существовали до конца колониального владычества Англии в Южной Азии.

Из Пенджаба путешественники возвратились в Центральную Индию, побывав в Агре, городе, богатом историческими памятниками. Вообще индийская архитектура всех эпох интересовала Щербатовых. В книге Ольги Александровны мы находим яркие описания множества разнообразных памятников, религиозных и светских, подкрепленные великолепными иллюстрациями. Одна из заключительных глав дает краткий обзор архитектуры Индии. В ней автор пытается дать свою классификацию архитектурного развития страны, сочетая при этом хронологический и региональный принципы [19, с. 514—516]. Отмечая разнообразие стилей и направлений в индийской архитектуре, Щербатова пишет: «В Индии столь же мало единства в ее искусствах, как и в ее религиях и наречиях. Она состоит из стран, которые по населению и условиям представляют еще более разительные контрасты, чем различные страны Европы» [19, с. 510]. Далее она высказывает убеждение, что английские колонизаторы после окончательного покорения Индии нанесли огромный ущерб всем индийским искусствам. В то же время она осуждает тех богатых индийцев, которые возводят для себя здания, отказываясь от национального стиля и слепо копируя чуждые национальным традициям образцы: «Некоторые туземцы, имея еще возможность строить дворцы и воображая, что европейское искусство обладает тем же громадным превосходством, какое при-

сущее их войскам, стали подражать в архитектуре уродливому стилю английских публичных зданий в Индии, думая, что они тем доказывают просвещенность своего вкуса» [19, с. 531].

Из всех описаний архитектурных памятников, какие мы находим в книге Щербатовой, самое яркое — описание Тадж Махала в Агре: «Трудно передать впечатление, производимое им не только при первом, но и при всех последующих посещениях его. От него дышит таким спокойствием, такую величавостью и возвышенностью, как ни от какого здания на свете. Он так архитектурно прост, но вместе с тем так роскошно великолепен, так симметричен, что чем больше на него смотришь, тем более находишь в нем прелести и тем более он чарует. Глядя на него, испытываешь то же ощущение, какое бывает иногда при виде некоторых эффектов природы, т. е. чувствуешь, что не в силах вполне оценить или достаточно проникнуться его красотой. Он так олицетворил чувство, которое было побудительной причиной его сооружения, а именно любовь императора Шах Джехана к умершей его жене, что производит какое-то совсем особое впечатление: он привязывает, притягивает и обвораживает, точно это живое существо, а не безжизненное здание. С ним жаль расставаться, хотелось бы иметь его постоянно перед собой. Сколько поэзии, сколько жизни, сколько любви в этом кажущемся холодном мраморе, конечно, не в состоянии понять те, кто не видел его своими глазами» [19, с. 299].

Гвалиур — еще один центр крупного индийского княжества. Это район расселения маратхов, воинственного и свободолюбивого народа, который долго и упорно отстаивал свою независимость от притязаний английских захватчиков. В маратхских землях сохранился в те времена ряд вассальных княжеств, подчиненных британской колониальной администрации. Гвалиур был крупнейшим из них. Его земли лежали между реками Джамной и Нарбадой, а население достигало трех четвертей миллиона. В основном это были индусы. Правитель княжества носил титул Синдия. Ко времени приезда Щербатовых это был мальчик лет двенадцати. Прежний Синдия, отец нынешнего, не веря в победу повстанцев, принял в период народного восстания сторону англичан, рассчитывая таким образом сохранить свое княжество. «Его войско было хорошо дисциплинировано,— пишет Щербатова,— и он сам считался умелым полководцем,

так что будь его решение иное, он легко бы мог с помощью своей сильной армии овладеть Агрой, находящейся в ста верстах от Гуалиора; направься он затем на Дели, последствия такого движения были бы в высшей степени губительны для англичан. Но, несмотря на то что он лично стоял за последних и ему удалось удержать своих подданных от участия в восстании, он был не в силах воспрепятствовать избиению англичан в Гуалиоре» [19, с. 326—328]. Как сообщает автор, некоторые из англичан спаслись только благодаря тому, что укрылись во дворце гвалиурского князя.

Рисуя типичную для индийского княжества систему управления, путешественница отмечает, что номинальной правительницей при малолетнем князе считалась его мать-регентша, которая якобы правит с помощью совета из местных сановников. Фактически же вся власть сосредоточена в руках английского резидента, а «остальные участвуют в управлении только фиктивно» [19, с. 329].

Конечно, Щербатовых не мог не привлечь Бенарес, город храмов на берегу многоводного Ганга, место массового паломничества индуистов. Путешественники наблюдали здесь, как толпы паломников стекаются в священный город со всех концов страны с единственной целью — совершить омовение в водах Ганга. Многие приезжают сюда из дальних мест и привозят останки усопших родных, чтобы предать огню на берегу реки. Вереницы погребальных костров можно наблюдать на набережных Бенареса, что в книге Щербатовой описано достаточно подробно и красочно.

Калькутта показалась путешественникам чересчур шумной, суетливой, скученной даже после Бомбея, а воздух — душливым от жары и сырости, особенно после Дели и Лахора, где дышалось относительно легко благодаря сухости климата и возвышенной местности. Калькутта стоит в низменной болотистой дельте Ганга, образующего здесь лабиринт рукавов и протоков. В городских трущобах, населенных бедняками, население страдает от малярии и других изнурительных болезней.

В районе Калькутты английская Ост-Индская компания создала первоначально торговую факторию, отнюдь не намереваясь ограничиться торговой деятельностью. Разбой, вероломство, грабежи скоро стали основными методами действий компании. Этот же район послужил форпостом влияния англичан в Южной Азии, плацдар-

мом для начавшейся в XVIII в. широкой колониальной экспансии, планомерного и систематического завоевания Индии. Первой жертвой его стало крупное восточноиндийское государство Бенгалия. Теперь это была одна из провинций Британской Индии и гигантская джутовая плантация. В Калькутте, главном деловом центре Восточной Индии, прочно обосновались представители банкирских и торговых контор лондонского Сити. Даже христианские церкви, англиканские, пресвитерианские, еще какие-то, подавляют своими серыми громадами мусульманские мечети и индуистские храмы.

Одна из главных достопримечательностей Калькутты — великолепный ботанический сад. Здесь в естественных условиях растут тысячи видов тропической флоры Южной Азии. Вдоволь налюбовавшись щедрым разнообразием природы, путешественники выехали на север. Осталась самая трудная часть пути — поездка в Гималаи.

Маленький паровоз тянет состав, с трудом преодолеывая подъемы. На станциях он надсадно гудит, отвечая на удары станционного колокола. Далеко позади осталась долина Ганга. За окном расстилается холмистая местность, потом начинаются предгорья. На горизонте вдалеке синеют цепи гор. Джутовые плантации сменяются чайными. Меняется и облик жителей. В горных районах Севера Индии обитают не только индийские народы, но и люди с более светлым цветом кожи и монголоидными чертами, родственные тибетцам. И религия у них своя — буддизм.

Железная дорога заканчивается в Дарджилинге, горном городке со своим ярким этническим обликом, отличающим его от других городов Индии. Рядом граница вассального гималайского княжества Сикким. Здесь побывал в 70-е годы во время своего индийского путешествия великий русский живописец Василий Васильевич Верещагин. В экспозиции Государственной Третьяковской галереи есть его картина «Буддийский храм в Дарджилинге». Храмовая постройка, скорее напоминающая крепость, запечатлена на фоне снеговых вершин.

В городке можно встретить выходцев из разных горных стран: Непала, Сиккима, Бутана и даже расположенного по ту сторону Гималаев Тибета. Вот описание обитателей района Дарджилинга, которое мы находим в книге Ольги Александровны: «Все здешнее население носит совсем особенный отпечаток в сравнении с осталь-

ными жителями Индии. Тут встречаются лепча, непалийцы, бутийцы, тибетцы и др.». И далее: «Первые, т. е. лепча, — коренные жители Сиккима (где и находится Дарджилинг) — имеют тибетский тип лица: плосколицый, с выдающимися скулами, китайскими глазами, без бороды и усов и бледно-желтым цветом лица. У мужчин такие женственные черты, что отличить их от женщин при одинаковости костюма можно лишь по тому, что первые носят волосы сплетенными в одну косичку, а последние — в две. У лепча замечательно развиты мускулы ног, как и подобает истым горцам; росту они небольшого, широкоплечие и очень сильные; весьма веселого характера и услужливого, тихого, открытого нрава.

Другие туземцы, которых особенно много в Дарджилинге, — бутийцы. Единственная одежда их состоит из длинного, широкого кафтана, перетянутого узким поясом, за которым заткнут неизменный огромный нож; над поясом кафтан образует род первобытного кармана, куда они прячут разные свои пожитки. Рослые, крепкого сложения, они представляют разительный контраст с лепча, отличаясь также от последних своим замкнутым характером. И мужчины и женщины носят серебряные кольца с бирюзой на руках и такие же большие амулеты на шее. Бутийцы занимаются переноской тяжестей по горам; они перетаскивают их на спине, поддерживая ношу ремнем, пропущенным поперек лба. Непалийцы — небольшого роста, стройные, мускулистые и проворные, удивительно расторопные, выносливые и в высшей степени храбрые» [19, с. 373—375].

Дальше пришлось ехать верхом на лошадях или на мулах, упаковав багаж во вьюки. Дорога по горным тропам над расщелинами и пропастями была утомительной и небезопасной. После удушливой тропической жары прохладный климат Гималаев казался непривычным. Растительность также заметно изменилась в сравнении с другими районами, где путешественники побывали раньше. Теперь перед ними была типичная растительность умеренного пояса — хвойные породы с нежными шелковистыми иглами, разные широколистые деревья. Кое-где лес сменялся горными лугами, покрытыми снегами.

В бунгало на высоте 12 тыс. футов (свыше 3600 м) путешественники заночевали. Однако пронизывающий холод, от которого не спасали легкие стены постройки, не дал возможности отдохнуть. Так же холодно было

и на следующем ночлеге. Пылающий камин не согревал комнаты. Вокруг лежал снег. Зато ранним утром открылось величественное зрелище. Произошло это на рассвете 23 марта в бунгало Чианбанджан на высоте свыше 10 тыс. футов. Путешественники увидели очертания Эвереста, высочайшей вершины на земле. «Когда мы затем вышли из бунгало, первое, что бросилось нам в глаза, было чудное зрелище огромных снежных гор, среди которых особенно выделялась самая громадная вершина на свете — гора Эверест», — пишет Щербатова [19, с. 426]. Далее она приводит впечатления первой побывавшей здесь путешественницы, не называя, к сожалению, ее имени и источника сведений: «Наконец, я увидела перед собой Эверест, который словно исполинская преграда заслонял собою весь запад. Казавшийся вначале сурово-величавым, он вдруг преобразился, когда его озарили теплые лучи восходящего дивного солнца. Он превратился в массу трепещущего, дрожащего света всех оттенков опала; тенистые же места, окунутые еще в темно-сапфирную мглу, придавали еще более красоты всей этой картине... Взойдя на пригорок, я все любовалась Эверестом, который точно плавал в море нежного, серого тумана, среди которого возвышалась зубчатая корона скалистой горы. Отсюда он представлялся поистине величайшим и поразительным явлением природы. Меж тем как другие соседние вершины заслонялись каменистыми крутизнами и смело выступающими скалами, он стоял одинокий в своем пышном, царственном величии!» [19, с. 426].

Караван двигался по заснеженным тропам и лесным зарослям. Иногда путешественники предпочитали идти пешком, несмотря на усталость. Погонщики вели навьюченных животных. Самую ценную для Ольги Александровны часть груза составляла тяжелая фотокамера. Путешественница не переставала делать снимки в любых условиях.

Безлюдные дикие места чередовались с обжитыми. Люди приспособивались и к суровым условиям Гималаев. Там, где позволял климат, жители занимались разведением чайного куста, расчищая для этого горные склоны от леса и кустарниковых зарослей. «Когда мы проехали около трех часов, лес стал редеть, и вскоре, выбравшись из него, мы опять очутились в населенных местах», — пишет путешественница. — Первые встретившиеся нам туземцы, с удивлением смотревшие на такое

редкое для них зрелище европейских туристов, были заняты прочисткой полей под чайные плантации. Всюду валялись срубленные великаны столетних дубрав; земля была совершенно черная, так как для ускорения расчистки поджигались пни и деревья. Жаль было смотреть на эти обугленные голые скаты, невольно думалось, какая чудная должна была быть здесь прежде тропическая растительность. В этом крае повсеместно набросились на разведение чайных плантаций, оказавшихся очень выгодным предприятием. Вследствие этого здесь так немилосердно, начисто сводятся все леса, что если правительство не примет вскоре надлежащих мер для упорядочения этой вырубki, то они в недалеком будущем все погибнут» [19, с. 441].

Преодолев долину реки Кулхайт, усталые, обессиленные в результате тяжелых переходов, путешественники достигли горного монастыря Пемсиончи. Буддийские монахи-ламы пустили их на ночлег крайне неохотно. Пришлось долго и терпеливо упрашивать их и дойти до самого настоятеля, чтобы получить ночлег в стенах обители. Александр Григорьевич за время путешествия по горам серьезно заболел лихорадкой. Отвели постояльцам маленькую грязную лачугу, совершенно не приспособленную для жилья. По углам валялась какая-то одежда и разный хлам. Бамбуковые стены зияли щелями. Окнами служили небольшие отверстия, закрытые деревянными ставнями. Посреди помещения находился очаг, дым от которого, как в курной избе, стлался за неимением трубы по всей комнате, заставляя путешественников кашлять и задыхаться. Пришлось залить огонь и пребывать в холоде.

Хотя монахи приняли русских путешественников не слишком гостеприимно, настоятель и его подчиненные заинтересовали Щербатовых. Ольга Александровна написала о них следующее: «Весьма живописную и оживленную картину представлял и двор Гумпа¹¹, с копошившимися на нем кули и сновавшими взад и вперед монахами. Эти монахи, или ламы, как их называют, суть очень типичные представители монгольского племени; рослые, несколько тучные, с умным выражением лица, они своей наружностью напоминают католических монахов. Одежанием им служит широкая, длинная ряса из грубой шерстяной коричневой материи, спускавшаяся почти до земли и подпоясанная веревочным поясом; шея и ноги голые; в руках четки, головы выбриты. Они со-

держатся на общие средства всей страны, и предполагается, что они всецело посвящают себя вечному созерцанию, исключая те случаи, когда они отлучаются на богомолье или для посещения других монастырей, которых довольно много в этом крае. В здешнем, пемииончийском, считающемся главным, вновь поступившие готовятся к священству.

Гумпа всегда находятся на возвышенностях, большею частью даже на самых вершинах гор, где окружающая обстановка благоприятствует созерцанию. Но не подлежит сомнению, что первоначально придавали более глубокое значение их сооружению на высотах, чем исключительно ради созерцательных целей. Народ веровал, что таким образом люди были в более тесном и прямом сообщении с божеством, полагая, что оно именно с возвышенных мест земли изрекло людям свои прорицания» [19, с. 448—449].

Религиям Индии Щербатова посвящает отдельную главу, в которой рассматривает древнейшие ведические верования, брахманизм, индуизм и джайнизм, их обрядовую и догматическую стороны. Исламу автор специально не уделяет внимания, ограничивая свою задачу рассмотрением религиозных систем чисто индийского происхождения. По мнению Щербатовой, несколько столетий мусульманского владычества вряд ли коснулись здесь этих коренных религий. Очевидно, путешественница не совсем права, а ее методологию, исключаящую из исследования ислам, одну из крупнейших по числу последователей религий страны, нельзя считать оправданной. Сомнительным выглядит и щербатовский тезис противопоставления «языческим», т. е. нехристианским, религиям христианства как якобы идеальной религии, к которой должен стремиться индеец во имя духовного совершенства. Путешествие по Индии закончилось возвращением в Калькутту. Остались позади Гималайские горы. 31 марта 1891 г. путешественники перебрались на пароход «Ассам». Через неделю обогатившие индийскими впечатлениями Щербатовы покинули Калькутту. Пароход взял курс на Бомбей.

В СТРАНЕ ВУЛКАНОВ

Проходит еще два года, и неутомимые путешественники отправляются в 1893 г. в новое странствие, на этот раз в Юго-Восточную Азию. Заветной их целью бы-

ла теперь Ява, главный остров среди обширных владений голландцев на Малайском архипелаге.

До итальянского порта Бриндизи Щербатовы доехали из России поездом, а в Бриндизи сели на комфортабельный пароход «Гималаи», принадлежавший британской компании и следовавший из Лондона в Австралию. Миновали Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Баб-эль-Мандебский пролив и вышли в Индийский океан. В Коломбо на Цейлоне путешественников встречал старый знакомый Джон, индеец, бывший их слугой во время предыдущего путешествия в Индию и на Цейлон. Он отличался честностью, исполнительностью и произвел на путешественников самое благоприятное впечатление, так что они захотели воспользоваться его услугами и во время поездки на Яву. Джон был вызван в Коломбо через посредническую фирму и в дальнейшем не раз оказывал Щербатовым неоценимые услуги. На него можно было всегда положиться, доверить ему багаж.

В Коломбо путешественники пересели на другой пароход, «Рохилла», принадлежавший той же британской компании, который взял курс на Сингапур. В Сингапуре они находились 25—27 января. Это была важнейшая колония англичан, контролирующая восточный выход из Малаккского пролива, представлявшего ворота из Индийского океана в Тихий. Еще в начале XIX в. сэр Томас Стэмфорд Раффлз, один из активнейших проводников британской колониальной политики в Азии, подметил то значение, которое мог бы сыграть для англичан почти безлюдный, заросший болотистыми джунглями островок у южной оконечности Малаккского полуострова. С помощью вероломства и обмана он стал обладателем острова, принадлежавшего до этого одному из местных феодалов, и основал здесь британскую военноморскую базу. Город Сингапур стал быстро расти, главным образом за счет выходцев из Китая, становившихся здесь портовыми кули, рикшами, мастеровыми. Наиболее удачливые и зажиточные приобщались к торговле, богатели. Постепенно город приобретал важное значение для всей Юго-Восточной Азии как центр посреднической торговли.

Путешественники видели помпезные фасады официальных зданий на набережной, построенных в викторианском стиле. В них размещались колониальная администрация, банки, деловые фирмы. И здесь, как и в Бомбее

и Калькутте, британские дельцы вносили дух бизнеса и наживы. В стороне от набережной начинался типичный китайский город — ряды лавок, харчевен, мастерских ремесленников с вывесками-иероглифами, пропитанные пряными запахами. Иногда попадались пагоды, пестрые, словно покрытые лакированной росписью шкатулки. А на окрестных холмах в пышной тропической зелени прятались особняки богачей. Разбогатевшие китайцы стремились не отставать от европейских дельцов.

Остановившись в гостинице «Европа», Щербатовы нанесли визит русскому консулу, осмотрели местный ботанический сад, ознакомились с городом.

Дальнейшее плавание до Батавии (ныне Джакарта), административного центра Нидерландской Индии, как называли тогда официально Индонезию, продолжали на голландском пароходе «Де Карпентер». Путь по мелководному Яванскому морю занял два дня. В Батавию, вернее в батавский порт Танджунг Приок, прибыли 29 января. В настоящее время порт почти слился с индонезийской столицей. А в те времена, в 90-е годы прошлого века, Танджунг Приок был отделен от города значительным пространством рисовых полей и болотистых зарослей, которое обычно преодолевали поездом.

В те времена Батавия казалась огромным, широко разбросанным городом. Его обширные площади были заняты садами и парками. Здесь находился белокаменный дворец генерал-губернатора с колоннадой и большой открытой верандой. Перед дворцом на флагштоке развевался трехцветный флаг нидерландского королевства. Фасад здания был обращен на огромную площадь, на которую также выходили различные колониальные учреждения. Вокруг, на тихих обсаженных пальмами улицах, располагались особняки местной европейской знати: высших административных чиновников, старших офицеров гарнизона, дельцов. Деловой центр, где были сосредоточены банки и фирмы, находился в северной, отдаленной части города, в районе Кота. Все это обычно обрастало китайскими лавками и хижинами бедняков. Голландцы насаждали здесь свой колониальный стиль, приспособивая его к жаркому и влажному климату прибрежной Явы. Фасады особняков обычно украшались открытыми верандами с массивными колоннами. Окна наглухо закрывались решетчатыми ставнями, спасающими от зноя. Полчища слуг держал любой голландец, даже занимавший не ахти какой высокий в ко-

лониальной иерархии пост. Труд индонезийцев обходился баснословно дешево.

Город прорезывала сеть каналов. Голландцы стремились придать Батавии облик своего рода тропического Амстердама. Но к влажному, нездоровому климату могли привыкнуть лишь немногие европейцы. Поэтому состоятельные голландцы предпочитали жить в Бейтензорге (нынешнем Богоре), к югу от Батавии, с его более прохладным и сухим климатом, в крайнем случае выезжать туда на воскресные дни. Сам генерал-губернатор редко находился в своем дворце и постоянно жил в загородной резиденции в Бейтензорге. Там, на опушке знаменитого ботанического сада, и был возведен бейтензоргский дворец. В его ограде на лужайках паслись ручные карликовые олени.

В Батавии Россия держала своего консула. Его обязанности не были слишком обременительными и скорее сводились к представительству. Русские корабли заходили в Танджунг Приок нечасто, ибо торговые связи между Россией и Явой были незначительными. Иногда по линии Российского географического общества сюда командировались русские ученые, преимущественно естествоиспытатели, географы, почвоведы. Они постоянно работали в бейтензоргском ботаническом саду.

Модеста Модестовича Бакунина, того самого, который написал книгу «Тропическая Голландия», Щербатовы еще не могли застать в Батавии¹². Обязанности русского консула выполнял тогда голландец Бауд, занимавшийся здесь еще какими-то своими неконсульскими делами. После предварительного знакомства путешественников с городом Александр Григорьевич нанес визит консулу. Оказалось, что дед этого Бауда был когда-то генерал-губернатором Нидерландской Индии.

Пробыв в Батавии три дня, путешественники выехали поездом в Бейтензорг, до которого было езды час с небольшим. В Бейтензорге они остановились в отеле «Бель Вю», из окон которого открывался красивейший вид на гору Салак. На следующий день путешественники познакомились с окрестностями Бейтензорга, а 1 февраля нанесли визит генерал-губернатору Пинакеру Хордику в его загородном дворце и вечером того же дня были у него на обеде. Следующие два дня они посвятили осмотру ботанического сада, встречались с работавшими там учеными.

Бейтензоргский сад по праву считался одним из бо-

гате́йших в мире по собранным в нем коллекциям представителей тропической флоры. Был он создан еще в первой половине века благодаря стараниям известного голландского ученого-ботаника Рейвардта. С тех пор сад сделался не только уникальным собранием тщательно классифицированных видов тропической флоры, но и крупным научным центром мирового значения.

4 февраля путешественники выехали из Бейтензорга в экипаже далее на юг. Ночевали на горном перевале Пунчак. Побывали в ботаническом саду Чибодас, филиале бейтензоргского. Здесь сад был разбит на основе сохранившегося уголка горных джунглей со своими специфическими видами растительности.

6—7 февраля Щербатовы находились в Бандунге, осматривали город и его живописные окрестности. Отсюда они выезжали для осмотра кратера вулкана Тангкубан Праху. Делали попытку спуститься на дно гигантского провала кратера, но это не удалось ввиду большой крутизны склонов.

Дальнейший путь из Бандунга продолжали по железной дороге, проложенной по Приангерскому нагорью. Миновали ажурные мосты и эстакады, перекинутые через пропасти. Два дня путешественники провели в городе Гаруте и здесь смогли ознакомиться с культурой сунданцев, народа, населяющего Западную Яву: слушали национальный оркестр гамелан; полюбовались изделиями из батика, ткани, расписанной ручным способом традиционным орнаментом с помощью растительных красок; были на представлении топенг, разновидности яванской классической драмы. Она отличается от других тем, что актеры, разыгрывающие пьесы на сюжеты древних легенд и мифов, выступают в масках-топенгах. Здесь же в Гаруте Щербатовы посетили голландскую школу и школу для местных жителей и имели возможность сравнить их. Нанесли также визит местному регенту, или бупати, главе здешней администрации. 10 февраля состоялось восхождение на вулкан Папандаянг, расположенный к югу от Гарута.

Продолжая свой путь по железной дороге, путешественники достигли населенного пункта Чибату. Далее движения пассажирских поездов еще не было, хотя на несколько десятков километров дорога была продолжена. Щербатовым удалось договориться с администрацией железной дороги, распорядившейся подать для русских гостей паровоз со служебным вагоном. Так они до-

брались до города Тасикмалайя. Там пришлось пересест в экипаж, чтобы, переночевав в Бандьяре, добраться до Калипутьянга на берегу Индийского океана. Дальше не было и сносной шоссейной дороги. Путешественники пересели на катер и доплыли до Чилачапа по проливу, отделяющему от Явы остров Кембанг.

Голландцы строили трансъяванскую железную дорогу одновременно от Батавии и от Сурабаи, с тем чтобы магистраль сомкнулась в Центральной Яве. Однако к моменту прибытия на Яву русских путешественников дорога не была полностью завершена. Поэтому Щербатовым пришлось пользоваться на недостроенном участке экипажем.

От Чилачапа можно было продолжать путешествие вновь по железной дороге. Из Пурвореджо выезжали экипажем в Магеланг, где остановились на несколько дней в гостинице «Лозе». Этот красивый город, раскинувшийся в горной местности, привлек Щербатовых тем, что в его окрестностях находилось много памятников яванского средневековья. Путешественники воспользовались возможностью осмотреть их. Из них наиболее величественное впечатление произвел, конечно, гигантский храм-памятник Будде — Боробудур. Из Магеланга же выезжали в район плоскогорья Дьенг, где сохранился целый ансамбль ритуальных построек далекого прошлого.

20 февраля Щербатовы прибыли в Джокьякарту, или Джокью, старый центр яванской классической культуры и столицу вассального феодального султаната. Здесь путешественники ознакомились с городом, посетили кратон (дворец-крепость) султана, а также батиковые фабрики. На следующий день выехали в одно из ближайших поселений Прамбанан, где осмотрели развалины ансамбля шиваистских храмов и мавзолеев, сильно пострадавших от недавнего землетрясения.

В городе Соло, или Суракарте, путешественники посетили кратоны местных феодальных правителей — суракартского сусухунана и принца Мангкунегоро, а вечером 22 февраля выехали оттуда поездом в Сурабаю, крупнейший портовый город Восточной Явы. Из Сурабаи выезжали в Маланг, расположенный южнее, и на гору Бромо. Район этого вулкана интересен тем, что на его склонах обитает небольшой этнос — тенггеры, заметно отличающийся от окружающего населения и по языку, и по культуре, и по религиозным верованиям. Если основ-

Свѣтлѣйш. Ея Императорскаго Высочества
Дочери, Императрицы Сергѣи Григорьевны
СТРОГАНОВЪ

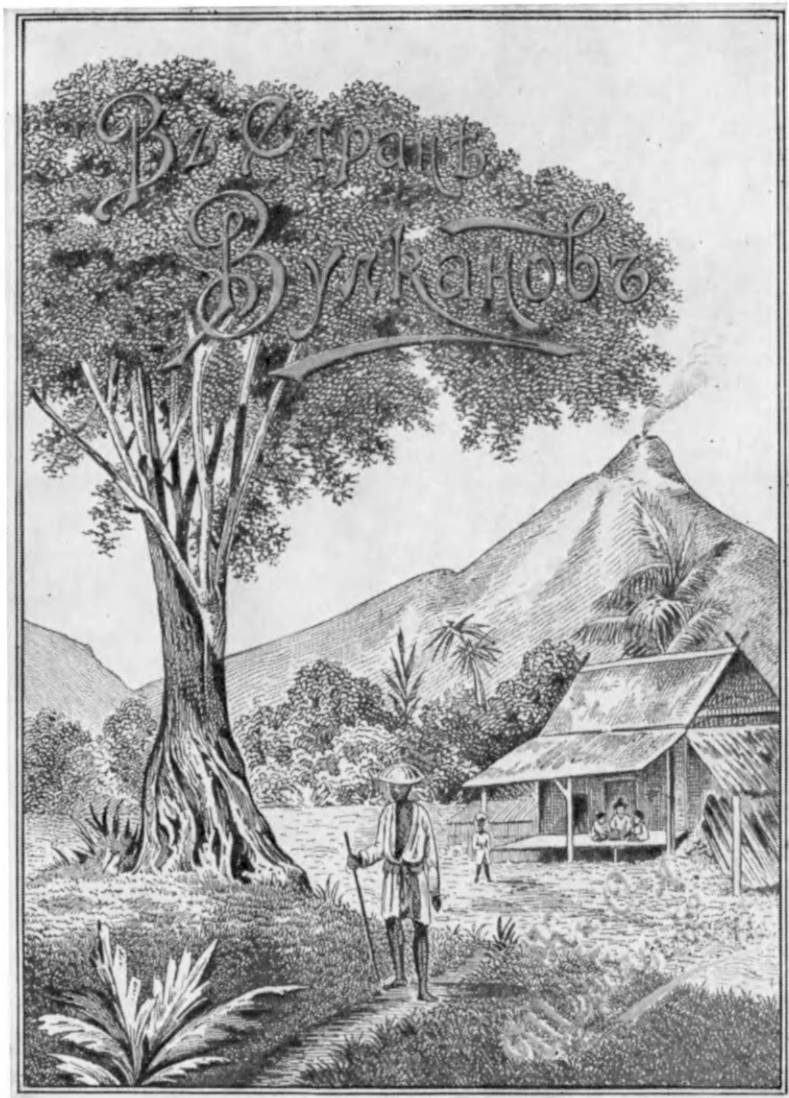
Генерал Сергей Григорьевич Строганов, дед О. А. Щербатовой

Ольга Александровна
Щербатова, урожденная
Строганова
(80-е годы XIX в.)

Александр Григорьевич
Щербатов
(в последние годы жизни)

Обложка книги О. А. Щербаговой «В стране вулканов»

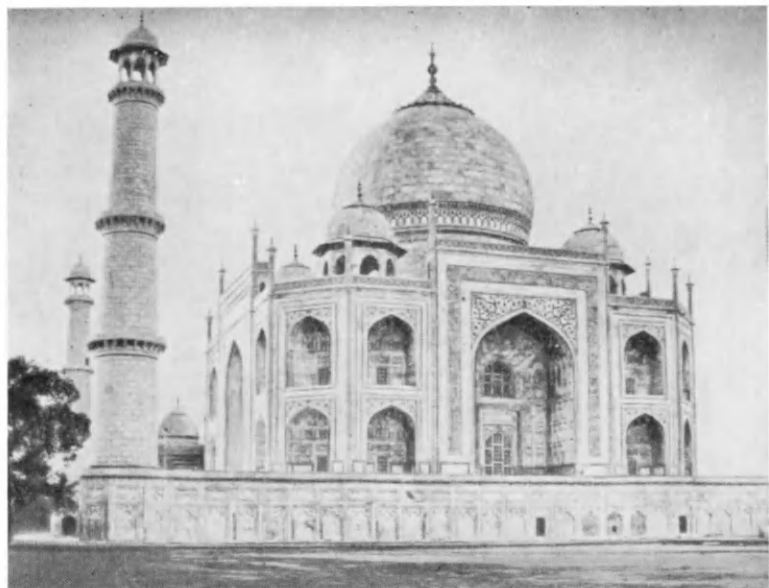
Бедуины Сирийской пустыни — иллюстрация из книги О. А. Щербатовой «Верхом на родине бедуинов»

Лагерь путешественников в центральной Месопотамии — иллюстрация из книги О. А. Щербатовой «Верхом на родине бедуинов»

Мавзолей Тадж Махал в Агре — иллюстрация из книги О. А. Щербатовой «По Индии и Цейлону»

Житель Гималайских гор — иллюстрация из книги О. А. Щербатовой «По Индии и Цейлону»

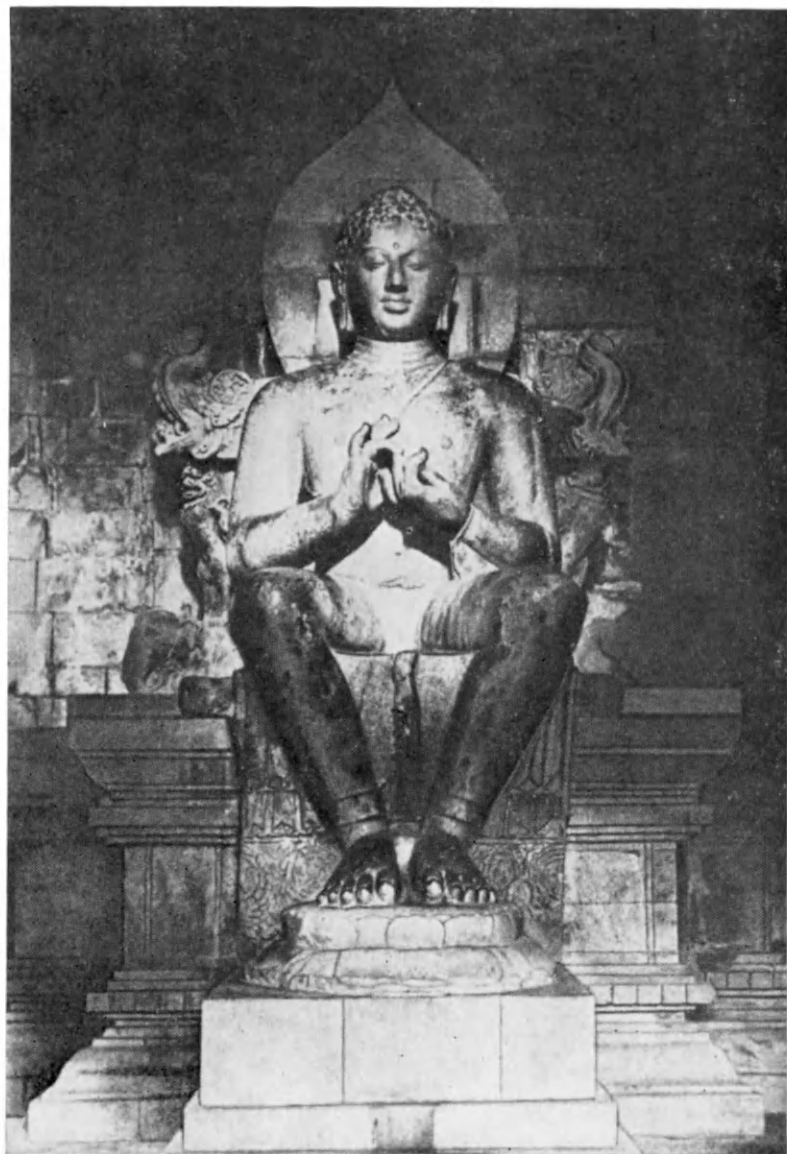

Бейтензоргский дворец генерал-губернатора Нидерландской Индии
и уголок ботанического сада

Верхняя галерея Боробудура со ступами

Статуя молящегося Будды в храме Мендут

Яванский пейзаж

ное население Явы составляют мусульмане, то у тенггеров сохранились весьма древние домусульманские религиозные представления, которые можно рассматривать как анимизм с очень поверхностным налетом индуизма. Щербатовы, побывав на Бромо, не уловили этнического своеобразия его обитателей. Щербатова в своей книге, посвященной Яве, ограничивается в этом разделе чисто географическим описанием.

28 февраля путешественники возвратились из Маланга в Сурабаю, а 1 марта вышли из этого порта на голландском пароходе «Ван Димен», заходящем по пути в Семаранг и другие яванские порты. Через три дня пароход покинул Танджунг Приок и взял курс на Сингапур. В Сингапуре Щербатовы приобрели саженцы и семена некоторых редких тропических растений с целью их акклиматизации в своей подмосковной усадьбе, в комнатных условиях или в оранжерее. Такова была насыщенная и разнообразная программа путешественников на Яве.

Впечатления от яванского путешествия легли в основу книги Ольги Александровны Щербатовой «В стране вулканов». Книга делится на две неравные по объему и стилю части. Первая, меньшая, посвящена историческому прошлому Явы, системе ее колониального управления, хозяйству. Мы уже высказали предположение, что в написании этой части, возможно, принимал участие Александр Григорьевич. Вторая, большая часть книги представляет путевой дневник Ольги Александровны, написанный в более живой форме.

В голландской Индонезии русские путешественники могли заметить много общего с историей и современными методами колониального закабаления Британской Индии, хотя были и особенности в конкретных проявлениях методов колониальной политики. Общим был постепенный и планомерный захват как Индии, так и Индонезии путем вероломства, обмана, грубого нарушения договорных обязательств с местными правителями и прямой аннексии. Появившись впервые на Малайском архипелаге в XVI в., голландские колонизаторы к концу XIX в. в основном завершили захват архипелага. В период пребывания Щербатовых на Яве шла кровопролитная война в Аче, на крайнем севере Суматры. Ачехский султанат еще пытался отстаивать свою независимость.

Индонезия испытала заметное влияние индийской культуры в период становления ее государственности.

Из Индии были заимствованы еще в первые века нашей эры религиозные системы — буддизм и индуизм, оставившие на Яве ряд замечательных памятников храмовой архитектуры. В эпоху развитого феодализма в Восточной Яве сложилось могущественное государство Маджапахит. В пору его расцвета, относящегося к XIII в., махараджи Маджапахита подчинили своему влиянию значительную часть архипелага. Преемником этого государства был исламизированный Матарам, сломленный окончательно голландцами в XVIII в. В качестве жалких осколков Матарама колонизаторы оставили в Центральной Яве вассальные княжества — сусухунат Соло и султанат Джокьякарту. Подобно англичанам в Индии, Нидерланды сперва действовали руками своей Ост-Индской компании, ликвидированной в конце XVIII в. Обо всем этом можно найти краткие исторические сведения в книге О. А. Щербатовой.

Постараемся теперь выяснить, какую оценку дает автор колониальной политике голландцев на Яве, какие черты этой политики прослеживает.

Путешественница указывает на крайнюю малочисленность европейской части населения острова. Европейцев на Яве не более $\frac{1}{6}$ % всех жителей. Они как бы растворяются в море местных жителей. По закону 1818 г. европейцы любой национальности не имели права селиться на Яве без особого разрешения генерал-губернатора. Ограничения эти должны были в первую очередь закрыть доступ неголландцам, особенно англичанам и американцам, конкуренции со стороны которых опасались голландцы. Но теперь въезд на Яву был открыт всем желающим, и число европейцев несколько возросло, хотя и оставалось еще ничтожным в сравнении с местным населением. Как при такой своей малочисленности голландцам удастся держать в повиновении огромную массу яванского населения? Пытаясь ответить на поставленный вопрос, автор считает необходимым обратить внимание на моральный фактор: «Не будучи достаточно многочисленными, дабы влиять силой, голландцы подобно своим индусским и магометанским предшественникам напрягали все усилия к тому, чтобы держать народонаселение посредством некоего рода религиозного страха. Обязанные оказывать своим победителям все знаки самого глубокого уважения, схожего с поклонением, яванцы действительно стали преклоняться, бояться и обращаться к ним, как к вершите-

лям жизни и смерти. При встрече с европейцами и в их присутствии туземцы обязаны приседать и хранить благоговейное молчание» [20, с. 24]. Это правило обеспечивало огромную дистанцию между ними и «оранг-путих», т. е. белым человеком, возведенным на недосягаемую для местного жителя высоту.

«Не так давно,— пишет далее путешественница,— в голландских колониях было воспрещено европейцам занимать какие-либо низшие должности и даже наниматься в кучера и садовники. Европейский офицер или солдат, присужденный к унижительному наказанию, немедленно направлялся в Голландию, чтобы там отбыть приговор, тщательно скрывавшийся от туземцев, дабы не умалить их почтения к европейцам. Яванцам запрещалось изучение голландского языка: подчиненные не должны были возвыситься до понимания господ» [20, с. 24]. В этом последнем было одно из существенных отличий голландской колониальной политики от английской. Англичане насильственно насаждали английский язык во всех звеньях административного управления и школьного обучения. Голландцы же избрали для этой цели малайский язык, один из многочисленных языков народов Индонезии, бывший средством общения между представителями разных этносов. Его, как правило, осваивали и сами голландские должностные лица. Голландский же язык обычно в местных школах не преподавался. Так колонизаторы стремились изолировать индонезийский народ от достижений передовой европейской науки и техники, прогрессивной общественной мысли, вообще от культуры других народов.

В книге «В стране вулканов» приводятся наблюдения писательницы о глубокой пропасти, разделяющей колонизаторов и народы Явы: «По принятому на Яве обычаю при встрече все попадавшиеся нам туземцы низко приседали в противоположную сторону, т. к. им не полагается стоять в присутствии оранг-пути» [20, с. 176].

Щербатова отмечает, что, установив свое господство над Явой в результате завоевания, голландцы не стремились разрушить прежние институты и резко изменить существующий порядок или заменить его новым. При незначительной своей численности они предпочитали оставлять прежних правителей и прежние обычаи. В одних случаях этот традиционный порядок выражался в сохранении прежних феодальных княжеств, но уже в качестве вассалов Нидерландов под строгим контролем

голландских резидентов. Так, на Яве, в центральной ее части, существовало четыре таких княжества. В большинстве же случаев прежние феодалы были лишены владительных прав и основной части своих земельных владений и превратились в служилое феодально-бюрократическое сословие, звено колониального административного аппарата, также поставленное под контроль голландских чиновников. «Государственный механизм остался и до сего дня еще странным сочетанием европейского и туземного элемента: везде существует как бы наслоение двух управлений. Вверху голландский генерал-губернатор, а внизу множество туземцев, потомков прежних раджей, сохранивших со своим титулом и различные привилегии. Далее следует местная администрация, основанная на тех же началах — распределение власти между параллельными должностными лицами, голландцами и туземцами» [20, с. 36].

При этой системе голландцы, забрав в свои руки все командные высоты, в том числе судебную власть, финансы и высший надзор, оставили за индонезийскими начальниками лишь местное управление, исполнительную и полицейскую власть. Этой системой управления, как подметила Щербатова, голландцы достигли того, что верхушка местного общества продолжает играть видную роль и при новых властителях, она получает щедрое жалованье и не имеет основания проявлять недовольство. Эта гибкая система дала возможность колонизаторам в определенной мере привлечь на свою сторону яванскую аристократию, участвовавшую в эксплуатации народных масс.

Но вся полнота высшей власти была сосредоточена в руках представителя голландской короны в лице генерал-губернатора. Облеченный самыми широкими полномочиями, он правит почти самостоятельно, подчеркивает путешественница. Для простых яванцев он «туан бесар», т. е. большой начальник. Он командует военными и морскими силами колонии, назначает резидентов (начальников провинций) и подвластных им голландских и местных должностных лиц, применяет законы, утвержденные голландским парламентом, имеет право на основании правительственных постановлений 1854 г. издавать приказы и административные распоряжения. Они действуют и до их утверждения или изменения законодательными органами Нидерландов. При генерал-губернаторе имеются назначенные по его представлению

королем генеральный секретарь и совет Нидерландской Индии в составе вице-председателя и четырех советников, играющий роль совещательного органа. Выслушивая мнение совета при решении тех или иных вопросов, генерал-губернатор вовсе не обязан считаться с ним.

Вся Ява делится на ряд провинций или резидентств во главе с резидентами-голландцами. Резидентства же, в свою очередь, делятся на области-регентства (кабупатены), формально управляемые местными регентами, или бупати, из представителей родовой яванской аристократии. При регентах находились голландские чиновники, чьи обязанности официально сводились только к общему надзору, советам и содействию. Однако фактический механизм взаимоотношений местного регента и его голландского советника показан Щербатовой достаточно убедительно: «Можно сказать, что все это лишь самообольщение, так как голландцы хозяева страны, и хорошо известно, что все приказания и требования исходят от них, кем бы они ни выполнялись, но на деле это так. Резидент может и в случае нужды действительно внушает регенту отдать такие и другие приказания низшим туземным начальникам, но, за исключением особенных и безотлагательных случаев, никакая перемена не производится без предварительного совещания между резидентом, регентом и другими членами ландраада» [20, с. 45]. Путешественница отмечает далее, что должность регента в большинстве случаев наследственная. «Он окружен всей пышностью и представительностью туземного двора и держит многочисленную свиту» [20, с. 49]. Общеизвестно мздоимство, взяточничество, злоупотребление своим служебным положением местных чиновников. На все это голландские власти смотрят сквозь пальцы. Как подчеркивает Щербатова, регент весьма редко увольняется с должности.

Дискриминация яванцев проявляется, в частности, и в существовании отдельных судов для «белых» и «туземцев». «Туземный» суд имеет право рассматривать лишь дела местных жителей. Европейец, какое бы преступление он ни совершил, может быть арестован только европейцами. Для него существует особый европейский суд.

Индонезийцы привлекаются к службе в колониальной армии. Они составляют более половины всех сухопутных войск и около трети экипажей военных судов. Однако и в армии существует расовая дискриминация, подмеченная Щербатовой. Артиллерия, например, состоит из ев-

ропейских артиллеристов с местными ездовыми: «Все штаб-офицеры европейцы, за исключением некоторых туземцев, которым даны почетные чины. В каждой туземной роте, кроме того, по крайней мере половина унтер-офицеров состоит из европейцев» [20, с. 57].

Внимание путешественников привлекла и роль местных князей, окруженных почетом, получающих щедрые субсидии от голландцев, но низведенных до положения безвольных марионеток. Щербатовы посетили кратоны сусухунана Соло и султана Джокьякарты, еще играющие некоторую роль центров старой яванской классической культуры, и познакомились с придворным бытом. Колонизаторы не только жестко контролировали каждый шаг номинальных правителей Соло и Джокьякарты, но и вмешивались в дела их престолонаследия, всегда готовые устранить строптивного властителя и заменить его более послушной фигурой. Такие случаи в истории бывали.

Положение яванских князей весьма метко охарактеризовано Щербатовой: «Император Суракартский, или сусухунан, в сущности таков только по имени, и настоящей власти почти не имеет, так как в его владениях голландцы более чем где-либо следят за всеми действиями местного управления. Зато нравственное и религиозное значение его громадно для всех жителей острова. В глазах яванцев престиж его титула остается неприкосновенным, и для них сусухунан продолжает быть и главой их религии, и преемником тех властителей, которым они привыкли столько веков подчиняться. Малейшие его желания и изречения принимаются беспрекословно и считаются священными как высшими, так и низшими классами туземного населения. Понимая всю важность этой нравственной силы императора, голландцы окружают его почетом и поддерживают внешний вид царственного двора, пользуясь при этом его личностью, чтобы управлять и действовать на народ.

Де-факто же сусухунан лишь строго оберегаемый пленник нидерландского правительства, не имеющий даже возможности выехать из своего кратона без позволения резидента, которым тем не менее оказываются ему все наружные знаки почтения, подобающие его высокому положению. Состояние его состоит из обширных имений и из 45 000 рублей, выплачиваемых ему ежемесячно правительством» [20, с. 266—267].

Аналогично положение и джокьякартского султана,

который считается по своему иерархическому рангу ниже сусухунана. «Султан получает от правительства 37 000 рублей ежемесячно и владеет, кроме того, значительным земельным имуществом» [20, с. 264]. Его жизнь также протекает на положении пленника в четырех стенах кратона, откуда он никуда не выезжает. Сусухунан и султан ненавидят друг друга и никогда не встречаются. Первый смотрит на второго как на узурпатора, а тот не желает встречаться с сусухунаном, потому что был бы вынужден оказывать ему по местному обычаю знаки почтения как старшему; а это султан считал бы для себя унижительным.

Голландцы установили такую систему, которая обеспечивала зависимое положение феодального правителя с момента его вступления на престол. Сусухунану или султану сразу же давали понять, что он стал правителем не столько по праву престолонаследия, сколько благодаря воле Нидерландов. Только голландцам он всецело обязан своим высоким положением. Эту систему красноречиво описывает Щербатова: «Следующие небезынтересные подробности относятся до правил, соблюдаемых при кончине здешних туземных властителей. Так как все дела „Суракартского княжества“ ведутся самим сусухунаном и бумаги запечатываются им лично его печатью, то, когда он совсем при смерти и не в состоянии более заниматься делами, резидент отправляется во дворец и живет там до кончины больного, забирая при этом все бумаги в свои руки и храня у себя печать, которая в случае нужды прилагается первым министром к документам в его присутствии. После смерти императора тело его выносится в задние ворота для перенесения на руках в Мегири; церемония перенесения продолжается три дня; наследник престола и представитель голландской власти провожают усопшего до выхода из кратона и затем возвращаются во внутренние покои, где соглашаются относительно условий престолонаследия. По окончании переговоров прежняя печать уничтожается, и будущему властителю дается новая, причем он подписывает бумагу, в которой изложены его обязательства, и начинающуюся следующими словами: „Не имея решительно никаких прав на престол, я, император, лишь по милости и назначению Нидерландского колониального правительства и т. д.“ Документ этот хранится в архивах резидентства» [20, с. 280—282].

Далее путешественница рассказывает, ссылаясь на

местного резидента, что у его предшественника было много неприятностей с сусухунаном, который не хотел его слушаться и постоянно действовал наперекор его советам. Прибыв в Соло, новый резидент Лаутиер начал с того, что потребовал у сусухунана аудиенцию и показал ему ту самую бумагу, которую вассальный монарх подписал при вступлении на престол, спросив, имеет ли он понятие о содержании этого документа. Сусухунан отговорился незнанием содержания и вообще неумением читать. Тогда резидент велел переводчику огласить бумагу, а затем прочел монарху длинное нравоучение. С тех пор поведение сусухунана изменилось. Путешественница подчеркивает, что «здесь властелинов держат в руках отчасти посредством их преемников, угрожая, в случае неповиновения, не утверждать их избранников. Таким теперь официально объявлен сын сусухунана, утвержденный генерал-губернатором, когда ему минуло три года. Обыкновенно же голландское правительство не объявляет имя своего кандидата на престол, пользуясь своим правом как орудием для усмирения неподатливых правителей» [20, с. 282—283]. Далее Щербатова приводит пример, как в недалеком прошлом голландцы распорядились престолом Соло по своему усмотрению.

Права собственной полиции княжества ограничиваются, по существу, только кратоном. Городская полиция в ее действия не вмешивается. В кратоне провинившегося судят по местным законам.

Не ограничиваясь жестким контролем над яванскими князьями, голландцы разжигают между ними соперничество и вражду. Так, еще в конце XVIII в. колонизаторы противопоставили сусухунану принцев Мангкунегоро, выделив для них часть области и города Суракарты. В связи с посещением кратона принцев Щербатова написала: «Колониальное правительство с умыслом покровительствует нескольким таковым лицам высшего туземного сословия, считающимся соперниками императора и султана, дабы посредством взаимной их вражды держать и тех и других у себя в повиновении» [20, с. 284].

При всех метких и справедливых оценках, создающих весьма критическую и негативную картину голландских колониальных порядков на Яве, Щербатова все же пытается найти в них положительные стороны. И это здесь более заметно, нежели в книге «По Индии и Цейлону». Так, путешественница утверждает, что своим строгим надзором за местным управлением и разумным примене-

нием своей власти для удовлетворения потребностей страны голландцы достигли, с одной стороны, благоустройства и законности, а с другой — «постепенного обогащения колонии, а вследствие того и метрополии, довольства жителей и общего благоденствия» [20, с. 38]. В другом месте автор старается уверить читателя, что у всех встречавшихся путешественникам индонезийцев был «сытый, довольный и здоровый вид» и что «патриархальное управление голландцев не обременяет их ни излишними налогами, ни работами; поэтому неудивительно, что при таких обстоятельствах они относятся беспечно ко всему в жизни» [20, с. 172].

Оставим на совести автора эти далекие от реальной действительности рассуждения. Нидерланды стали к концу XIX в. одной из высокоразвитых в индустриальном отношении капиталистических держав именно благодаря безудержному и хищническому грабежу своих колоний. Вывоз из Индонезии полезных ископаемых, плантационных культур, использование индонезийского рынка для сбыта своих товаров обеспечивали голландской буржуазии баснословные прибыли. Между тем никаких серьезных вложений в экономическое и социальное развитие колонии голландцы не делали, если не считать некоторых затрат на развитие путей сообщения и создание небольшого числа предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Обрабатывающая промышленность находилась в зачаточном состоянии. Индонезийский народ подвергался безжалостной эксплуатации и был доведен до нищеты и разорения, не имея к тому же никаких политических прав. Выдающийся русский ученый — ботаник и географ А. Н. Краснов, основатель Батумского ботанического сада, побывавший на Яве, даже сравнивал положение яванских крестьян с русскими крепостными [7, с. 210].

Основой хозяйственной политики голландцев на Яве в XIX в. была пресловутая система принудительных культур, творцом которой был губернатор ван ден Босх. Щербатова упоминает об этой системе, подробно не анализируя ее. А такой анализ помог бы выявить действительную картину социальных отношений на Яве.

По системе принудительных культур крестьяне должны были выращивать на лучшей, наиболее плодородной части своих наделов те культуры (например, кофе, сахарный тростник), которые приносили колонизаторам в данный момент наибольшие прибыли. Свой урожай зем-

ледельцы были вынуждены продавать представителям колониальных властей по ценам, произвольно ими установленным и, как правило, заниженным. Фактически крестьяне лишились права свободно распоряжаться своей землей и оказались в положении крепостных. Система принудительных культур принесла колонизаторам огромные прибыли. А во второй половине XIX в. голландцы, убедившись в том, что подневольный труд крестьян становился все менее и менее производительным, постепенно отказались от этой системы и перешли к свободному капиталистическому предпринимательству в сельском хозяйстве. Стали складываться крупные плантационные хозяйства на основе наемного труда.

Видимо, недостаточное знакомство с историей Индонезии не позволило путешественнице воссоздать сложную картину социально-экономических отношений на Яве в XIX в. Не были столь «разумными», как это представляла себе Щербатова, и отношения между колонизаторами с их «патриархальным управлением» и яванцами. Весь XIX век был наполнен острой борьбой народных масс против угнетателей. Вершиной этой борьбы была яванская народная война (1825—1830) против голландских колонизаторов под руководством принца Дипонегоро, охватившая значительную часть острова.

Однако факты, приводимые в книге «В стране вулканов», нередко оказываются убедительнее общих рассуждений автора. И нередко факты эти подводят критически мыслящего читателя к прямо противоположным выводам. В этом отношении убедительным примером может служить развитие просвещения на Яве, к которому путешественники проявили интерес.

В Гаруте (Западная Ява) путешественники побывали в индонезийской и голландской школах. В первой из них обучалось 140 учеников, из которых девочек было только три; во второй обучалось около 45 детей голландцев и метисов. Из повествования видно, что в голландской школе дети получали лучшую подготовку, круг предметов там был обширней.

В вступительном разделе книги приведены весьма интересные общие сведения о просвещении на Яве. Хотя Щербатова и утверждает, что ежегодно властями ассигнуются крупные суммы на развитие народного просвещения и что голландцы искренне желают распространить образование среди индонезийцев, приведенные автором цифры говорят совсем о другом. Эти красноречивые цифры

заслуживают того, чтобы целиком их привести: «В данную минуту на Яве 164 школы для европейцев, посещаемые 14 735 учениками и стоящие правительству 2 386 054 гульдена; для туземцев же — 202 школы с 31 892 учениками, стоящие 1 018 687 гульденов. Кроме того, есть 163 частные туземные школы и 23 021 магометанских школ с 313 978 учениками; многие из этих школ получают субсидии от правительства. В общем, получается 23 550 школ с 360 605 учениками»¹³ [20, с. 25—26].

Автор не делает выводов из этих цифр, но они невольно напрашиваются. Прежде всего, обучением был охвачен незначительный процент детей школьного возраста. Население Явы в то время составляло 23,6 млн. Это означало, что одна школа приходилась на тысячу жителей, а обучалось всего 15% населения, или значительно менее половины всех детей школьного возраста. Подавляющее большинство учащихся занималось в мусульманских школах, где почти все обучение сводилось к начальному религиозному образованию — нередко не охватывало даже элементарной грамоты и арифметики. И государственные школы были в своем подавляющем большинстве начальными. Особенно незначительным был охват школьным обучением девочек, как это видно из посещения Щербатовыми гарутской школы (3 девочек на 140 учеников).

Наконец, уровень обучения в европейских и местных школах был далеко не одинаковым. И это видно из сумм правительственных ассигнований. На европейские школы выделялось в два с лишним раза больше средств, чем на индонезийские, хотя последних было значительно больше и учащихся в них насчитывалось больше в два с лишним раза.

Внимание путешественников привлекла яркая и самобытная культура народов Явы, их памятники прошлого. Щербатова подметила поверхностный характер ислама на Яве, не подавившего здесь многих доисламских обычаев и представлений яванцев: «Горячо преданные своим древним учреждениям, они, хотя и не поклоняются идолам, но сохранили до сих пор высокое почтение к законам, обычаям и народным обрядам, существовавшим до введения магометанства. Так, веруя в единого бога и Магомета как его пророка, придерживаясь некоторых наружных форм этой религии, они одновременно поклоняются предкам и силам природы и приписывают

духам все события своего существования. С учением магометанства они мало знакомы и, хотя его праздники соблюдаются из года в год все с большим рвением, но наравне с этим они держатся многих индусских верований. В общем, можно сказать, что влияние магометанства самое поверхностное, и религия эта не укоренилась, по-видимому, в сердцах яванцев» [20, с. 27].

В книге приводится немало описаний раннесредневековых архитектурных памятников, связанных с заимствованными из Индии буддизмом и индуизмом. Самый замечательный из этих памятников — Боробудур, возведенный в конце VIII или в первой половине IX в. одним из правителей династии Шайлендра. Щербатовы застали этот храм в весьма поврежденном виде. Насколько можно судить по иллюстрациям в книге «В стране вулканов», многие фрагменты сооружения, ступы, участки галерей представляли лишь хаотические груды камней. Это было результатом частых землетрясений. Значительная реставрация Боробудура была проведена позже, лишь в начале нынешнего столетия. «Весь памятник до того разрушен и в таком запустении, что трудно правильно судить о нем», — пишет Щербатова [20, с. 250]. Но и то, что сохранилось, не могло не произвести на путешественников сильного впечатления. «Наконец, в конце длинной аллеи показались на холме развалины Боробудур; аллея вела кругом пригорка к маленькой гостинице, от которой хорошо был виден великолепный памятник, содержащий в своих bas reliefs полную историю Будды. Из всех монументов Явы Боробудур самый древний» [20, с. 242].

Путешественники увидели воплощение замечательно-го таланта и мастерства создателей памятника: строителей, скульпторов, резчиков по камню. Это грандиозное сооружение не имело аналогий ни в Индии, ни в Индонезии. Это не храм в обычном понимании, а именно храм-памятник. В каменной громаде Боробудура путешественники не нашли никакого внутреннего помещения. Перед ними предстало гигантское сооружение, покрывающее холм, в виде многоступенчатой ступы. Все ярусы памятника украшали многочисленные рельефные изображения и статуи Будды. Три верхних яруса, предшествующие увенчивающей ступе-дагобе, представляли собой кольцевидные площадки с установленными на них каменными ступами в форме колокола. Внутри каждой ступы-колокола помещена статуя сидящего Будды. Эта

верхняя часть сооружения, включая и увенчивающую ступу, особенно пострадала от землетрясений. Многие ступы, как можно судить по иллюстрациям в книге, были полностью разрушены. Лучше сохранились нижние ярусы, опоясанные рядами барельефов, общая протяженность которых достигала двух с половиной километров. Все же путешественники смогли ознакомиться с пространственным жизнеописанием Будды, этой каменной книгой буддизма, заполненной множеством сценок и персонажей. В какой-то мере безымянные скульпторы, создавая рассказ-легенду, воссоздавали реальные черты жизни раннесредневекового яванского общества. Щербатова, давая характеристику памятнику, приводит пространную выдержку из известной в то время монографии о восточной, в частности индийской, архитектуре английского автора Фергюссона. В этой выдержке рассказывается об истории создания памятника, его архитектурном облике, некотором влиянии индийских образцов.

Вблизи Боробудура путешественники увидели небольшое храмовое сооружение Мендут, относящееся к той же эпохе. Еще недавно этот памятник был скрыт под толщей земли, образующей холм. После расчистки он открылся взору посетителей. Несмотря на внешние повреждения, внутри храма хорошо сохранились три великолепные статуи, принадлежавшие к лучшим образцам средневековой яванской скульптуры. Фотографии двух из них приведены в книге. Одна из этих статуй воспроизводит образ Будды: «Фигура Будды из серого гранита имеет спокойное, кроткое выражение лица и так же, как и другие фигуры, отличается тонкостью работы» [20, с. 241]. Другие же две статуи автор ошибочно считал фигурами Шивы и Вишну, тогда как в действительности это были бодхисатвы — перевоплощения Будды.

Из Маланга путешественники выезжали на плоскогорье Дьенг, где сохранились развалины целого ансамбля шиваистских раннесредневековых памятников. В связи с этим Щербатова пишет о некоторых особенностях древнеяванской архитектуры: «Заговорив о яванском искусстве, кстати будет упомянуть о двух замечательных его чертах, а именно: об отсутствии во всех древних зданиях острова пилястр или колонн, а также и настоящих арок или сводов... Другая отличительная характеристика строений острова состоит в том, что они выло-

жены без извести, которая употреблялась только для штукатурки» [20, с. 258].

Несколько страниц книги «В стране вулканов» посвящены другому замечательному, всемирно известному памятнику раннесредневековой яванской архитектуры шиваистскому ансамблю Прамбанан, расположенному в Центральной Яве между городами Джокьякарта и Суракарта. Путешественники не смогли составить полного представления о первоначальном облике всего комплекса сооружений. Прамбанан подвергся страшным разрушениям во время сильного землетрясения 1880 г., которым сопровождалось извержение вулкана Мерапи. Щербатова застала здесь храмовые сооружения «в таком разрушенном виде, что трудно даже представить первоначальное их очертание» [20, с. 270]. В ее книге приведены фотографии центрального и еще одного, меньшего, сооружения. На них мы видим лишь поврежденные основания памятников. Их верхние части были полностью разрушены.

Все же Щербатова находит Прамбанан, хотя он меньших размеров и в худшем виде, чем Боробудур, интересным памятником. Ансамбль называли «Тысяча храмов». «В действительности в состав его входит не тысяча, но не менее значительное число — 288 малых кумирень, расположенных в несколько рядов вокруг центрального большого капища. Последний, крестообразной формы, имеет девяносто футов длины в каждую сторону и стоит на богато украшенном квадратном цоколе. Вдоль всех фасов квадрата возвышались громадные человеческие фигуры, сохранившиеся по большей части и по сих пор еще в целости» [20, с. 270—271]. Далее автор отмечает, что все части главных сооружений покрыты рельефными изображениями, среди которых множество изображений животных: коз, обезьян, птиц и др.

Совершая поездку из Сурабаи на юг, в район Маланга, путешественники побывали в Сингосари, бывшем в XIII в. важным политическим и культурным центром Восточной Явы. От этой эпохи сохранились памятники — небольшой полуразрушенный храм, два огромных изваяния каких-то божеств и каменная фигура священного быка Нанди, носившего бога Шиву. Их фотографии приведены в книге «В стране вулканов».

Щербатова обращает внимание на то, что все сохранившиеся средневековые памятники связаны с религиозным культом, а старинных памятников гражданской ар-

хитектуры не сохранилось вовсе. «Весьма странно, что, несмотря на существование всюду на Яве древних памятников из камня, нигде не найдено по сих пор следов каменных дворцов или других жилищ, кроме воздвигнутых в сравнительно недавнее время. Из этого следует заключить, что яванцы как теперь, так и прежде всегда строили свои дома из дерева» [20, с. 296.]

Всякий, прочитавший книгу Ольги Александровны, хотя и не получит полного и исчерпывающего представления о ярком и самобытном искусстве народов Явы, все же найдет сведения и о яванском традиционном оркестре гамелане, и о различных формах местного классического театра. Рассказывая о своих гарутских впечатлениях от яванской музыки и театра, Щербатова дает описание основных музыкальных инструментов гамелана, в котором преобладают ударные инструменты типа металлофонов и ксилофонов, а также театра масок ваянг-топенг и театра плоскостных марионеток ваянг-кулит. Ваянги — это название как самих представлений, так и их персонажей. Актеры в театре масок, как свидетельствует автор, одеты в старинные национальные костюмы и исполняют свои роли с большой грацией. Все представление имеет скорее характер балета, чем драмы или комедии, и человеческие страсти, страдания и увлечения выражаются в основном движениями, а также словами. Неизменными сюжетами служат любовь и война; спектакли обычно заканчиваются битвой между героями-соперниками.

Ява, «страна вулканов», произвела неизгладимое впечатление на путешественников.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СИРИЮ

Ближний Восток вновь манил путешественников. В 1895 г. они побывали в Сирии и Палестине, а в 1899 г. в Египте. Оба эти путешествия не нашли отражения в книгах Ольги Александровны, так как были, по-видимому, кратковременными.

Александр Григорьевич всячески продолжал пропагандировать арабскую лошадь, выступая с докладами, статьями, брошюрами. Пытался убедить правительство и влиятельных сановников в полезности своей идеи ши-

роко внедрять в российское коневодство арабскую породу. Но убедить в чем-нибудь твердолобых вельмож, когда дело касалось каких-то новшеств, было не просто.

Собственно говоря, арабская лошадь не была для России таким уж новшеством. Еще в конце XVIII в. екатерининский вельможа и военачальник граф Алексей Орлов, прозванный за победы свои над турками Чесменским, вывез из Турции партию лошадей арабской породы, в их числе знаменитого жеребчика Сметанку. Орловым был выведен путем скрещивания привезенной породы с другими получивший мировую известность орловский рысак. Но с тех пор чистокровной арабской породой занимались сравнительно мало. Щербатов и его шуфин Строганов пытались теперь воскресить традиции Орлова Чесменского как коневода. Как пишет О. А. Щербатова, «несмотря на почти полное отсутствие поддержки в России, и граф Строганов и князь Щербатов продолжали свое дело, убежденные в верности своего взгляда и поддерживаемые в одном примере многих стран мира, где арабская лошадь всегда была в почете. Наконец, после долгих бесплодных лет брошенное в нашей стране семя принесло плод, и государственное коннозаводство поручило князю Щербатову приобрести арабского жеребца и кобыл» [21, с. 94].

Строганов и Щербатовы вновь отправились в Сирийскую пустыню с той же целью — закупки породистых арабских лошадей для себя лично и для государственного коннозаводства. Александр Григорьевич на этот раз имел официальные полномочия. Так состоялось зимнее путешествие в Сирию в 1900 г. «Вооруженный полномочиями от государственного коннозаводства, князь Щербатов обратился заранее к русскому консулу в Дамаске г-ну Б., прося его собрать по возможности подробные сведения о предполагаемом местонахождении бедуинов в марте и апреле месяцах, когда мы намеревались посетить Сирийскую пустыню. Таким образом, мы знали приблизительно, куда направиться» [21, с. 94], — сообщает Ольга Александровна.

Новая экспедиция готовилась более тщательно. В ней принимал участие даже ветеринарный врач, прикомандированный Главным управлением коннозаводства. Путешественники были научены горьким опытом первой экспедиции. Еще были живы в памяти двухнедельное дейрское заключение, козни Тевфика-паши, общее недружелюбие османских властей. И потому на этот раз Щер-

батовы и Строганов, будучи проездом в Константинополе, позаботились о том, чтобы запастись различными фирманами — письменными разрешениями как на право беспрепятственного проезда в пределах Османской империи, так и на провоз огнестрельного оружия. Такие документы исключали возможность придинок со стороны местных властей, какие пришлось претерпеть в 1888 г. Прежде существовавший запрет на вывоз лошадей из Сирии был недавно отменен. Вместо этого вводилась вывозная пошлина по пятьдесят рублей с головы. Это устраняло необходимость хлопотать о разрешениях на вывоз каждой лошади, которые турецкие власти давали крайне неохотно.

На этот раз от Бейрута до Дамаска ехали поездом. В Дамаске караван укомплектовали. Обслуживающий персонал состоял из трех русских и двадцати двух арабов. Некоторые из них участвовали в предыдущей экспедиции. Вообще Щербатовы старались привлекать к себе на службу людей знакомых, проверенных, на которых можно было положиться. Пригласили в качестве буфетчика и старшего по каравану араба Семаана, путешествовавшего с Щербатовыми по Сирии, Палестине и Египту в 1895 и 1899 гг. В проводники взяли Абдул Азиса из племени агейл, бывшего помощником шейха Насра во время первого сирийского путешествия. С большой горечью узнали путешественники, что их преданный друг Наср умер два года назад. Не раз вспоминали Щербатовы его находчивость, самоотверженность: «Таким образом, мы лишились незаменимого в таком путешествии руководителя и советника, без которого нам будет весьма трудно ориентироваться в пустыне» [21, с. 100].

Из животных в караване было 18 вьючных мулов, 12 верховых ослов, верблюдов, 2 вьючные лошади и 11 верховых жеребцов. Последние попались с удивительно злым и драчливым нравом, и это доставляло множество хлопот.

Впечатления путешественников о второй поездке в Сирию также отражены в книге Ольги Александровны «Верхом на родине бедуинов». Поездка 1900 г. не была сопряжена со столь драматическими событиями, как первая.

Прежде чем покинуть Дамаск и выйти в пустыню, путешественники посетили вместе с консулом женскую школу Палестинского общества. Эта русская общественная организация играла немаловажную роль в развитии

культурных контактов с арабскими странами, занимаясь в Сирии и Палестине социально-просветительской деятельностью, привлекая круги русской прогрессивной общественности, сочувствовавшей национально-освободительной борьбе арабов против турецкого ига. Многие ее представители и представительницы ехали на Ближний Восток в качестве врачей, учителей, медицинских сестер, бескорыстно отдавая свои силы делу братской помощи арабам. Палестинское общество также оказывало некоторое содействие арабам в подготовке национальных кадров, предоставляя арабской молодежи стипендии для занятий в учебных заведениях России. Наконец, вокруг Общества группировались многие видные ученые: историки, филологи, этнографы, посвятившие себя изучению стран Ближнего Востока. Они немало сделали для популяризации в России знаний о прошлом и настоящем арабов.

Щербатова сообщает о посещении школы следующее: «Школа помещалась в нескольких домах, соединенных дворами; сколько было детей, я не помню, но, во всяком случае, много всех возрастов, начиная от четырехлетних и кончая большими девочками 14—15 лет. Учительницы, кажется, без исключения были все из местных жительниц и получили свое образование некоторые здесь, в Сирии, а другие — в России, причем одна воспитывалась в Московской Епифаньевской семинарии; надзирательницей же всегда назначается русская.

Уроки проходят отчасти по-арабски, отчасти по-русски, но последний язык обязателен. Впечатление, произведенное этой школой на нас, было самое отрадное: дети выглядели опрятными, веселыми и, по-видимому, нисколько не тяготились школьной жизнью; учебный персонал также нам весьма понравился; у них устроено общежитие, т. е. общая спальня, столовая и гостиная, выходящие на отдельный дворик. Устройство самое простое, но удобное и уютное» [21, с. 101].

Снова бескрайние пески Сирийской пустыни, лишь кое-где покрытые сухой, чахлой растительностью. Редкие оазисы с кочевьями бедуинов. Шатры кочевников. Щедрое арабское гостеприимство. Воспоминания о прежних встречах, о тех, кого уже нет в живых. Быт кочевников полон лишений и опасностей. Опасности подстерегают со стороны пустыни, враждебного племени, турецкого паши. Многие бедуины рано умирают.

Встречи со старыми друзьями. Новые знакомства с

шейхами племен. Выводки лошадей. Неторопливый ритуальный торг. На Востоке не принято спешить, суетиться при покупке, если не хочешь прослыть пустым, ветреным человеком.

Второе путешествие в Сирию позволило Щербатовым расширить свои представления о жизни, быте, обычаях арабских кочевников. Вот встреча с шейхом племени, описанная Ольгой Александровной: «Достигнув кочевья Моаджа, мы направились прямо к шатру Ферхана, где собралось значительное число бедуинов его племени. Все почтительно встали, когда мы вошли, и Ш., следуя их обычаям, сказал громким голосом: *Ас-салам алейкум!*, принятое в таких случаях приветствие, на что присутствующие ответили: *Уа алейкуму-с-салам!*.. Внутри палатки на земле были разостланы ковры, положены подушки и поставлены покрытые овечьими шкурами верблюжьи седла, чтобы на них облакачиваться. Мы уселись на почетных местах, а бедуины, числом от 50 до 60, кругом; посредине же, по обыкновению, расположился слуга шейха, на этот раз рослый негр, занявшийся приготовлением кофе» [21, с. 118—119].

У Ольги Александровны были в гостях две жены шейха и жена слуги-негра. От последней узнали, что муж ее был приобретен в Судане еще мальчиком его теперешним владельцем. У бедуинов можно нередко встретить слуг-негров, ибо ни один бедуин не согласится прислуживать даже шейху племени. Оказывая ему всяческие знаки почтения, соплеменники тем не менее считают своего шейха равным себе по рождению. Зато почтительность к нему, самая подчеркнутая, вызывала у путешественников удивление. Если шейх вставал со своего места, то вставали и все присутствующие, не исключая и его сыновей, и оставались стоять до тех пор, пока он не садился.

У бедуинов существует, как заметила путешественница, широкая демократия. Бедуин как личность не имеет никаких обязанностей перед своим племенем. Если внутри племени возникает конфликт, меньшинство не подчиняется большинству, а отделяется и уходит. Даже один человек может всегда уйти из племени и разбить палатку там, где ему заблагорассудится. Бедуин не признает ни полиции, ни сборщика податей. Система управления у кочевых арабов очень проста. Каждое племя и подразделение племени находится под управлением выбранного шейха. Впрочем, наблюдается тенденция к тому,

чтобы шейхами избирались люди из определенных семейств. Некоторое богатство тоже необходимо для шейха, подчеркивает автор; один из близких родственников умершего шейха, обычно сын, брат или дядя, избирается его преемником. Настоящей власти у шейха мало. Ему оказывается много знаков наружного внимания, но все члены племени считаются равными, последний пастух может говорить с шейхом как с равным. На время военных действий избирается военачальник — акид. Столкновения между племенами — частое явление у бедуинов.

Эта несколько идиллическая картина общинной демократии, нарисованная О. А. Щербатовой, не учитывает зашедший к началу XX в. достаточно далеко процесс имущественного расслоения у бедуинов. Выделяется богатая верхушка, владевшая большими стадами скота и эксплуатировавшая в той или иной форме малоимущих соплеменников и слуг-рабов, вроде того негра из Судана, которым владел шейх Ферхан. Богатство и было залогом того, что должности племенных шейхов фактически становятся наследственным достоянием наиболее богатых семейств, а племенная демократия приобретает все более формальный, внешний характер.

Османские власти не отказались от усилий подчинить кочевников-арабов Сирии своему влиянию. Это видно из некоторых фактов, приведенных Щербатовой в ее книге. Одним из средств к достижению этой цели служит привлечение детей шейхов на учебу в османскую столицу. «Старший сын Ферхана (Сотали — второй сын) учится в Константинополе, где правительство устроило специальную школу для бедуинских мальчиков, мера с турецкой точки зрения очень умная, так как это одно из лучших и более верных средств отуречивания бедуинов, не признающих до сих пор ничьего владычества и ненавидящих турок» [21, с. 126]. Далее автор отмечает, что в Константинополе учатся до трехсот мальчиков, которые по окончании срока обучения назначаются на государственные должности.

Путешественники вновь достигли Дейра на Евфрате. Город этот вызывал мрачные воспоминания. Подъезжая к городу, они указывали друг другу на памятные места, вспоминали о злоключениях двенадцатилетней давности. За минувшие годы здесь произошли заметные перемены. Город значительно расширился. Стоявшие на некотором отдалении от него казармы теперь придвинулись к жилым кварталам. Увеличилась обработанная

полоса земли вдоль Евфрата. В Дейр проведен наконец-таки телеграф. Ранее ближайшая телеграфная станция находилась в Алеппо, за 300 верст отсюда. Главное же — изменилось отношение местных турецких властей к русским путешественникам. Вот что пишет об этом Ольга Александровна: «Турецкие власти на этот раз относились к нам совсем иначе, чем в 1888 году; тотчас по разбитии лагеря к Щ. явился начальник полиции, присланный губернатором, чтобы нас поздравить с приездом и передать, что им получена депеша от Б., русского консула в Дамаске, просящего его по мере возможности оказать нам во всем содействие. Для охраны лагеря был приставлен караул из одного офицера и нескольких солдат, разбивших свои две палатки около наших; ночью они с заряженными ружьями ходили кругом, а днем отгоняли туземцев, весь день толпившихся вокруг, чтобы поглядеть на редких гостей — иностранцев. Щ. и губернатор обменялись визитами» [21, с. 141—142].

После кратковременного пребывания в Дейре караван направился назад к Дамаску. Следующую стоянку сделали в Дмейре, населенном пункте, отдаленном от Евфрата безлюдной пустыней. Щербатова пишет об опасностях, подстерегающих путника в пустыне, на караванных тропах: «Дмейр — последнее обитаемое место между Сирией и Евфратом. Отсюда отправляется и сюда возвращается почтарь, возящий через пустыню почту из Дамаска в Багдад. Путешествие, полное ужасов, если вспомнить, что на хорошем быстром делуле оно занимает десять суток, в течение которых не встречается ни единое живое существо и что по всему пути нет ни капли воды. Почтарь всецело зависит от своего верблюда, перевозящего на себе не только седока, но и весь его запас пищи и воды; смерть верблюда или даже сильная хромота его неминуемо влечет за собой гибель человека» [21, с. 169].

В Дмейре путешественники осмотрели древние развалины, среди них старинный храм. В нем обнаружили греческую надпись III в. до н. э. В окрестностях было много стекающей с гор пресной воды. Жители использовали ее для устройства мельниц.

Во время дальнейшего пути Щербатовых посетили два шейха из Дмейра, оказавшиеся здесь по случаю набора рекрутов. Когда какое-либо селение в порядке очереди должно было выставлять рекрутов, то шейх должен был сопровождать их в город, назначенный для приема

новобранцев. Шейхи жаловались, что это правило вынуждает их на много дней отлучаться из дому в период полевых работ. Автор книги «Верхом на родине бедуинов» не объясняет, чем была вызвана такая практика. Это нетрудно понять. Турецкие власти сталкивались с серьезными затруднениями при наборе рекрутов-арабов, нередко уклонявшихся от службы в султанской армии и даже дезертировавших. Поэтому ответственность за доставку новобранцев и возлагалась на шейхов племен.

Путешественники узнали и о раздорах, происходивших в племени роала и, по-видимому, обычных для кочевых арабов. После смерти известного бедуинского шейха Сотами-ибн-Шаалана одна часть племени избрала его преемником сына покойного, Нури, а другая часть — другого сына. Между соперниками начались раздоры. Нури, мечтавший стать наследником отца, напал на брата из засады и убил его, а потом, испугавшись последствий своего поступка, бежал со своими приверженцами в глубь пустыни. Оставшиеся роала избрали нового шейха из семьи покойного.

В Дамаск караван возвратился в начале мая. Так закончилось второе путешествие Щербатовых совместно с Сергеем Александровичем Строгановым в Сирию и Месопотамию. Странствие продолжалось 51 день. За это время было сделано 32 перехода, пройдено около полутора тысяч километров. Результатом этой поездки была закупка новой партии чистокровных арабских лошадей. Были приобретены: для государственного коннозаводства — один жеребец и четыре кобылы, для конного завода Щербатовых — один жеребец и три кобылы и для строгановского конного завода — четыре кобылы.

Здесь уместно подчеркнуть, что дело, начатое Щербатовыми и Строгановым, не пропало даром. Арабская порода занимает достойное место в современном коневодстве. Разведением арабских лошадей занимается Терский конный завод. Наши специалисты знают о той роли, какую сыграли в развитии русского коневодства С. А. Строганов и А. Г. Щербатов.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАН

Возвратившись из второго ближневосточного странствия, Щербатовы завершили свои путешествия по странам зарубежного Востока.

Четыре путешествия. Три книги Ольги Александровны Щербатовой: «По Индии и Цейлону», «В стране вулканов», «Верхом на родине бедуинов». Роскошно изданные и щедро иллюстрированные, на высокосортной мелованной бумаге, привлекательные для читателей. Первые две снабжены к тому же картами маршрутов путешествий. Самая объемистая и содержательная из этих книг посвящена индийскому путешествию. Достоинства и недостатки этих книг мы разбирали выше. Многие в их общих оценках и положениях не сможет удовлетворить современного читателя. Но для своего времени это были интересные издания, расширявшие представления русского читателя о зарубежном Востоке, содержавшие много метких наблюдений и важных сведений.

Итак, перед нами три книги. На обложке каждой из них стоит имя автора — О. А. Щербатова. Но ни на одной из них мы не увидим имени издателя. В роли издателя выступали сами Щербатовы. Иначе говоря, все эти три книги печатались за счет самого автора, и автор же заботился об их продаже.

Что нам известно об издательской деятельности Щербатовых? В Щербатовском фонде ЦГАДА имеется папка с документами, касающимися издательских дел Александра Григорьевича и Ольги Александровны, которая преимущественно занималась этим. Как можно судить по этим материалам, книги Ольги Александровны распространялись через книготорговую сеть, как оптовую, так и розничную. Сохранилась переписка книготорговцев, например торгового дома «Фен и Ко», и владельцев отдельных книжных магазинов с автором. Из переписки видно, что книготорговцы удерживали в свою пользу 25% продажной цены. Книга расходилась медленно. Каждый книжный магазин продавал в течение года обычно всего несколько экземпляров. Некоторые магазины или фирмы брали книги на комиссию, соглашаясь расплачиваться с издателем только после продажи. Бывали случаи возврата книг комиссионерами в щербатовскую контору по причине того, что взятые на комиссию книги не расходились.

Подобные документы красноречиво говорят о том, что издательские дела Щербатовых шли плохо. Не помогали и попытки помещать в газетах и журналах рекламные публикации. В тех же рекламных целях Ольга Александровна рассылала дарственные экземпляры сво-

их книг в редакции таких солидных периодических изданий, как «Вестник Европы», «Новое время», «Петербургские ведомости», «Нива» и др.

Почему Щербатовых преследовали издательские неудачи? Дело было не только и не столько в отсутствии опыта знакомства с конъюнктурой книжного рынка. Роскошные издания на высокосортной бумаге, украшенные множеством иллюстраций, оказались слишком дороги. При сравнительно небольших тиражах типографские расходы были неимоверно высоки. Чтобы компенсировать их и продавать книги без явного убытка для себя, приходилось назначать высокие цены, считаясь и с интересами книготорговцев. Большая часть тиража всех трех книг поступала в продажу в мягкой обложке, а меньшая часть — в твердом, тисненном золотом переплете. Особенно красочно была оформлена книга «В стране вулканов». На ее обложке красовался экзотический яванский пейзаж с вулканом, а на корешке — фигура актера-яванца в традиционном костюме.

Тиражи книг можно приблизительно установить. В расчетной книжке по продаже книги «В стране вулканов» сделана в марте 1897 г. следующая запись: «Поступило в склад Елшиной в переплете экземпляров 200, брошюрованных экземпляров 1000. Итого экз. 1200» [3, оп. 2, л. 57]. По-видимому, это была значительная часть тиража книги, вряд ли превышавшего 3—4 тыс. экземпляров.

Ввиду высоких издательских расходов и малых тиражей книги оказались практически недоступными для широкого читателя. Их цены колебались в разные годы, в зависимости от общих изменений цен на книжном рынке. Так, в 1893 г. книга «По Индии и Цейлону» в обложке стоила 7 р., а в переплете — 12 р. По тому времени это была очень высокая цена. Достаточно сказать, что месячный оклад малоквалифицированного работника, прислуги вряд ли превышал эту сумму. В следующем году та же самая книга в магазине Ренгкера стоила соответственно 5 р. 25 к. и 9 р. Книга «В стране вулканов» по выходе из типографии стоила 4 р. в обложке и 5 р. в переплете. В 1899 г., очевидно ввиду медленной распродажи, книга была уценена сначала на 1 р., потом еще на 25 коп. «В стране вулканов» продавалась в 1905 г. по цене соответственно 2 р. 50 к. и 4 р. 50 коп. [3, оп. 2, л. 55].

Такие дорогие книги были недоступной роскошью для

малоимущих студентов или интеллигентов, которых могли бы серьезно заинтересовать подобные описания путешествий. Сеть общественных библиотек была ничтожно мала, да и большинство из них не имели средств на покупку дорогих книг. Что же касается людей состоятельных, то лишь немногие проявили любознательность и интерес к трудам путешественников. Вряд ли доходы от продажи этих изданий помогли автору компенсировать издательские расходы.

В расчетных записях по продаже книг имеются весьма любопытные заметки, сделанные в 1905 г. Русская общественность тогда тяжело переживала позор поражения в русско-японской войне. Чувство горечи охватило и семью Щербатовых, принявшую участие в благотворительной деятельности в пользу русских военнопленных. Ольга Александровна откликнулась посылкой большой партии своих книг (по 200 экземпляров) в Японию. В настоящее время книги О. А. Щербатовой не являются большой библиографической редкостью и иногда попадают в букинистических магазинах.

* * *

Архив оставил нам немного документов, которые давали бы возможность представить личность путешественников Щербатовых, воссоздать их живые черты. Было заманчиво отыскать людей, помнивших героев этой книги, например старожилов села Васильевского. Этот поиск удался благодаря счастливому случаю.

Мой давний знакомый, друг и сверстник моего отца, один из старейших советских поэтов, Василий Иванович Казанский, был приглашен замечательным советским кинорежиссером Сергеем Федоровичем Бондарчуком на съемки фильма «Война и мир» в качестве консультанта по псовой охоте. В фильме снималась сцена охоты с борзыми, а правила ее помнили только немногие старые знатоки. Василий Иванович, лесовод по профессии и сам заядлый охотник, известный в нашей стране специалист по охотничьему собаководству, не раз принимал участие в качестве судьи на всесоюзных выставках охотничьих собак. Он рассказал мне, что, в свою очередь, привлек некоторых из старых друзей по охоте. Они должны были помогать управляться с собаками во время съемок. А одному из них, Алексею Григорьевичу Землякову, пришлось неожиданно стать и самодеятельным актером — сыграть эпизодическую роль егеря. Ока-

залось, что этот самый Земляков родился и вырос в Васильевском, имении князей Щербатовых, которые как будто и сами были заядлыми охотниками.

Итак, есть возможность встретиться с человеком, помнившим Щербатовых. Алексею Григорьевичу было в то время семьдесят три года, выглядел он совсем больным; плохо передвигался и говорил с трудом. Однако мысль его работала четко, он хорошо помнил и Ольгу Александровну, и Александра Григорьевича Щербатовых. Вот что мне удалось записать с его слов.

Щербатовы были люди богатые и культурные. Они владели обширными угодьями, лесами, стадами скота, конным заводом. Завод находился не в Васильевском, а в воронежском имении, куда барыня нередко наезжала для охоты. Псовой охотой, как и верховой ездой, Ольга Александровна увлекалась до преклонного возраста. Была она женщиной рослой, дородной и физически крепкой. Старый же князь, наоборот, не отличался здоровьем. Обычно он сидел за письменным столом в своем кабинете, в котором было много книг, и что-то писал. Лишь иногда он выходил в домашнем халате в парк на прогулку в сопровождении старого камердинера. Всеми делами в имении распоряжалась его супруга.

В щербатовской конюшне стояли породистые арабские кони, привезенные из далеких стран. В имении была также огромная псарня. Английских гончих, которых особенно любила княгиня, выписывали прямо из Англии. Усадебный дом, окруженный парком, был построен в стиле средневекового замка. В его залах было много каких-то южных экзотических растений. Необычные растения можно было увидеть и в оранжерее, находившейся вблизи дома. Саженьцы или семена этих растений также будто бы были привезены из тропических стран, в которых Щербатовы побывали. На лужайках парка паслись ручные косули и олени.

Слушая рассказ Землякова, я невольно представил себе картину богорского дворца на Яве, перед которым паслись ручные олени местной породы. Эта традиция была заведена еще губернаторами Нидерландской Индии и сохранилась и во времена независимости, когда дворец стал загородной резиденцией президента Республики Индонезии. Поэтому картину эту я мог наблюдать, работая в конце 60-х годов корреспондентом «Правды» в этой стране. Не это ли дало идею Щербатовым разводить оленей и коскуль в усадебном парке?

Далее Земляков рассказал, что отец его многие годы служил у Щербатовых кучером. Пыталась княгиня выписывать кучеров-лихачей из Петербурга. Но они недолго уживались у властной, своенравной барыни. Любила она выезжать на восьмерке лошадей (по четыре пары цугом). Чтобы управлять восьмеркой, кучер должен был обладать исключительной физической силой.

Вообще супруги Щербатовы были людьми разными по своим привычкам, характеру, темпераменту. Когда Ольга Александровна выезжала на псовую охоту в воронежское имение, то поднимала на ноги всю челядь. Только старый князь продолжал невозмутимо писать свои труды за письменным столом. Княгиня нанимала целый поезд для псарни, псарей, псовой кухни. Все княжеские кучера, псари, егеря носили особую униформу. Егерь, загнавший или подстреливший волка, получал от барыни премию — трешницу.

Алексей Григорьевич лучше помнит Ольгу Александровну. Она женила своего кучера Землякова по своему усмотрению, не спрашивая его согласия. Кучер не посмел перечить барыне, так как дорожил местом. Он получал содержание больше жалованья учителя церковно-приходской школы. Деревенская детвора побаивалась строгой княгини. Она сама гоняла мальчишек, если они забирались в барский парк. Старый князь умер, когда Алексею Григорьевичу было лет десять с небольшим. Хоронили его в Васильевском, а потом перевезли его прах в семейную усыпальницу в Петрограде.

Обладая огромными богатствами, Щербатовы считали необходимым для просвещенных и гуманных аристократов заниматься благотворительной деятельностью. На свои средства они построили в Васильевском сельскую школу, клуб, а в годы первой мировой войны снарядили санитарный поезд.

В Васильевском Щербатовы жили летом, а зиму проводили в Москве или Петербурге. Однако они неизменно приезжали в имение на рождество. В клубе устраивалась елка, куда приглашалась вся окрестная детвора. Потом детей катали на тройке. Это способствовало созданию легенды о «патриархальных» и «добрых» хозяевах Васильевского. Отголоски этой легенды можно услышать и сейчас. Часто к Щербатовым съезжалось множество гостей — соседи-помещики и даже московские друзья. Бывало, приглашался оркестр, устраивался фейерверк.

Постараемся же теперь рассказать о деятельности Щербатовых после завершения их путешествий по странам Востока.

Свою реакцию на поражение России в войне с Японией Александр Григорьевич высказал в выпущенной им в 1908 г. книге «Обновленная Россия». Некоторые цензурные послабления этого периода дали возможность автору выступить с резкой критикой отдельных царских сановников, окружавших трон, всей чиновной системы. С первых же страниц книги автор обвиняет полководцев в бездарности и малодушии, а государственных и общественных деятелей — в измене русской народности, противопоставляя друг другу две враждебные силы — народ и придворную камарилью, включая военную и чиновную верхушку. Щербатов называет противниками русской народности «петербургское чиновничество и иностранный капитал» [16, с. 3]. Выпад против сановной верхушки, окружавшей трон, был достаточно резок и дерзок. Александр Григорьевич обрушивается и на главу правительства Витте, и на адмирала Алексеева, и на генерала Куропаткина, называя их «виновниками нашего государственного разложения» [16, с. 29].

Причины революции 1905 г. Щербатов видел в поражении России в русско-японской войне и в заключении позорного Портсмутского мирного договора. Это был односторонний подход, не учитывавший основных, внутренних причин первой русской революции — глубокого кризиса всего самодержавно-помещичьего строя, следствием которого и было поражение в войне.

В своих многочисленных работах Александр Григорьевич главное внимание сосредоточил на экономических проблемах, обходя вопрос политического переустройства России. Несмотря на свои оппозиционные настроения, вызванные горькими итогами русско-японской войны, он не критиковал самодержавие как таковое, а направлял огонь критики на конкретных «дурных» сановников.

Из хода рассуждений Щербатова видно, что он усматривал трагедию царизма, главную причину его слабости в отрыве от народа и пытался призывать к единству сословий, единению самодержавия с народом через Земский собор. «Самодержавие действительно народно, только если оно коренится в народном общественном строе», — восклицал он [16, с. 35]. Все зло он видел в захвате власти чиновничеством. «При существовавшем

положении деятельность Петербурга схожа была с работой мельничных жерновов без помола», — замечает он [16, с. 34].

Как экономист Александр Григорьевич выступал поборником интенсивного и самостоятельного капиталистического развития России. Он откровенно враждебно относился к тем окружавшим трон сановникам, которые мешали такому развитию. В фонде Щербатовых нами не было обнаружено документов, свидетельствовавших о близости этой семьи ко двору. Более того, сохранилась пачка телеграмм на имя Ольги Александровны с выражением соболезнования от разных лиц по случаю смерти ее мужа (в апреле 1915 г.). Но среди них не оказалось официальных соболезнований от правительства или царского окружения.

Основная общественная деятельность А. Г. Щербатова была связана с Москвой. В течение ряда лет он был президентом Московского общества сельского хозяйства. Под его руководством эта организация стремилась пропагандировать передовые агрономические методы, опыт более развитых капиталистических стран Запада, поощряла предприимчивую часть деревенской верхушки и даже командировала за свой счет отдельных зажиточных крестьян в зарубежные поездки с целью знакомства с техническими новшествами.

Перу Александра Григорьевича принадлежит более 30 работ — книг, брошюр, статей, опубликованных докладов по различным проблемам сельского хозяйства, в частности, коневодства, о деятельности возглавляемого им общества, перспективах экономического развития России, необходимых, по его мнению, экономических реформах. Автор проявлял большой интерес к экономике и техническим достижениям высокоразвитых капиталистических стран Запада. Свои взгляды Щербатов излагал и в публичных лекциях, с которыми он выступал в аудитории Исторического музея в Москве, возглавляемого его родственником.

Гражданским идеалом для Александра Григорьевича был тип землевладельца-предпринимателя, вносящего свой вклад в модернизацию и укрепление буржуазно-помещичьей России. Он был также убежденным сторонником меценатства и просветительства в интересах укрепления авторитета господствующего класса.

Сами супруги Щербатовы всячески старались следовать этому идеалу, подавая пример другим. На свои

средства они содержали в родовых имениях школы, лечебницы, строили церкви. Во время первой мировой войны они организовали санитарный поезд, названный именем Ольги Александровны. Читаем архивную справку: «Временный военно-санитарный поезд № 67 им. кн. О. А. Щербатовой состоит из двадцати (20) вагонов 4 кл. для раненых, одного вагона 4 кл. „перевязочной“, одного вагона 4 кл. „кухни“, двух вагонов „цейхгауз“, одного вагона 3 кл. для команды, одного вагона 2 кл. для офицеров, одного вагона 1 кл. для нач. поезда и мед. персонала. Княгиня Щербатова принимает на свой счет оборудование поезда, продовольствие раненых, уплату вознаграждения всему медицинскому персоналу, уплату за работы по поезду, произведенные по ее желанию, а не вызванные потребностью военного времени. За время 9-месячного курсирования поезда перевезено тридцать (30) тысяч раненых» [3, оп. 2, л. 85].

Ольга Александровна не только шефствовала над санитарным поездом, но и была почетным членом общества «Война, помощь и труд», одной из тех общественных организаций, которые создавались при поддержке правящих кругов с целью содействовать военным усилиям царизма и по возможности смягчить недовольство общественности малоуспешной войной. В архивном фонде имеется билет почетного члена общества, подписанный его председателем генерал-майором С. Римским-Корсаковым и выданный на имя О. А. Щербатовой. Общество занималось оказанием некоторой (весьма скромной) помощи увечным воинам и их семьям, обучением инвалидов войны ремеслам, организацией приютов для сирот, детей погибших воинов. Есть свидетельства, что Щербатова предоставила под мастерские этого общества дом в Новой деревне, на окраине Петрограда [3, оп. 2, л. 76].

Не отставал от супруги и Александр Григорьевич. Он стал председателем организационного комитета Союза торговли и промышленности, призванного содействовать мобилизации экономических ресурсов для нужд войны. Вся эта активная общественная деятельность была продиктована стремлением любой ценой добиться победы России в империалистической войне.

Александр Григорьевич и его супруга были умнее, образованнее и дальновиднее многих людей своей среды. Щербатов, критически относясь к правящей клике и ее политике, видел и понимал глубокий кризис всей со-

циально-экономической системы царизма и мучительно искал выхода.

Большое место в его трудах уделяется проблеме освобождения российской экономики от засилья иностранного капитала, приводятся яркие примеры пагубности такого засилья. В работе «Обновленная Россия» Щербатов пишет: «Для России в настоящее время опасность худшая, чем разорение,— это подчинение ее иностранной промышленности. При кажущейся самостоятельности государственной мы можем дожить до того времени, когда не только в столице, но и в уездных городах и селах вся торговля и промышленность будут в руках иностранцев, а русские будут использованы как чернорабочие и низшие служащие. Примеры частичного захвата России в этом виде мы видим в нефтяном деле и в донском горнозаводском районе» [16, с. 85]. Далее автор пишет о сосредоточении экспортной торговли хлебом в руках иностранных посредников, извлекающих из этого выгоду. Русский производитель теряет из-за этого до 20% цены пшеницы. «Вывозная торговля пшеницей должна быть сосредоточена в руках русской, правильно организованной торговли при широком содействии государственным в виде дешевого подтоварного кредита, устройства сети станционных и портовых элеваторов, субсидируемого парохозяйства»,— к такому выводу приходит Щербатов [16, с. 88].

К проблеме засилья иностранного капитала Александр Григорьевич возвращается и в своей изданной в 1910 г. книге «Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем». Книга была отпечатана в типографии прогрессивного издателя Сытина, связанного с демократическими кругами. «Иностранный капитал в том его виде, в каком он теперь в России,— безусловное зло,— писал автор.—...На юге России иностранный капитал явился в лице 45.000 управителей и мастеров, захвативших все лучшие места и должности и устранивших от них русских рабочих и русских техников. В настоящее время иностранный капитал захватывает и уральское горнозаводское дело, и лесные богатства севера Европейской России, и золотые прииски Сибири, и фабричное дело в Царстве Польском, и торговлю в главных торговых центрах, и, наконец, все банковское дело при содействии министерства финансов посредством заграничного государственного кредита» [17, с. 10—11]. Щербатов выступает за выработку «государственно-на-

роднохозяйственной программы». В этом требовании можно видеть стремление к элементам планового начала ведения экономики.

Большое внимание в ряде своих работ Александр Григорьевич уделяет повышению продуктивности сельского хозяйства. Его программа не предусматривала ликвидации крупного помещичьего землевладения и перераспределения земли в пользу безземельных и малоземельных крестьян. Проблему безземелья он предполагал решить путем заселения малообжитых пространств Сибири и Дальнего Востока.

Известно, что царский премьер-министр Столыпин пытался решить аграрную проблему путем выселения крестьян на хутора, содействуя процессу выделения кулацкой прослойки. По замыслу Столыпина, крепкое кулацкое хозяйство фермерского типа и должно было составлять основу русского сельского хозяйства. Это неизбежно должно было привести к разрушению общины. Щербатов отрицательно относился к столыпинской реформе, считал ее противоречащей русским историческим началам и в этой связи писал: «Современное направление в правительстве — уничтожить общинное землевладение и перейти к подворному — есть плод неясного представления о значении начала собственности и владения, о быте русского крестьянства и вообще о внутреннем историческом строе России» [16, с. 73]. Выступая за сохранение общины, которую он идеализировал, Щербатов утверждал, что «обеспечение в пользовании земель и увеличение производительности земли в крестьянском землевладении может быть вполне достигнуто без уничтожения общинного начала в землевладении более разумными современными мерами» [16, с. 72]. Земля, по его мнению, должна находиться в наследственном пользовании отдельной семьи. Но община распоряжается землей в случае выморочного владения или желания владельца продать ее.

Средство для повышения продуктивности сельского хозяйства Щербатов видит в кооперировании мелких крестьянских хозяйств на базе существующей традиционной общины. Еще в 1905 г. он выступил с брошюрой «Способы увеличить производительность крестьянских хозяйств», в которой и развивал свой план, не предусматривавший ломки социальных отношений. Автор подчеркивал, что в России имеется широкая возможность увеличить производительность сельского хозяйства, ко-

торая растет недостаточно быстро по сравнению с приростом населения. Выход из создавшегося положения Щербатов видит в следующем: «Главным способом усовершенствования крестьянского хозяйства следует признать учреждение мелких сельскохозяйственных обществ, если возможно, в каждом приходе или каждой волости» [14, с. 6].

Цель подобных кооперативных обществ автор видит в том, чтобы устраивать общие склады семян, приобретать совместно в кредит семена, удобрения, сельскохозяйственные орудия, племенной скот, а также знакомиться с достижениями сельского хозяйства в России и за рубежом, выписывая сообща агрономические журналы и организуя за коллективный счет командировки людей с целью изучения нововведений. Министерство земледелия должно оказывать кооперативам свое содействие.

По мнению Щербатова, первоначально общества должны быть невелики — по 5—10 хозяйств, а в дальнейшем могут быть расширены за счет приема новых членов. Через них крестьяне могут просить ссуды на различные улучшения. В каждой волости желательно учредить ссудосберегательное или кредитное товарищество, «в котором всякий хозяйственный крестьянин мог бы занять денег на тот или другой сельскохозяйственный оборот» [14, с. 11]. В состав его членов «желательно привлечь всех хозяйственных домохозяев волости» [14, с. 11]. Конечно, под «хозяйственными» крестьянами понимались зажиточные и кредитоспособные хозяева. Таким образом, речь шла о частичном кооперировании на капиталистической основе. В кооперированных обществах должны были задавать тон крепкие (кулацкие) элементы, которые и могли рассчитывать на кредиты и другие виды помощи.

Щербатов ищет подходящие аналоги в кооперативном движении капиталистических стран и находит их в Дании, образцовой стране кулацко-фермерских хозяйств: «За границей, в Дании, стране, в которой преобладает мелкое крестьянское землевладение, население разбогатело благодаря союзам по маслоделению, а также откормам свиней на продажу» [14, с. 13].

Александр Григорьевич полагал, что с увеличением производительности сельского хозяйства Россия сможет значительно увеличить свой национальный доход и освободиться от иностранных долгов.

В целом ряде своих работ Щербатов пишет о необ-

ходимости заселения и освоения Сибири и Дальнего Востока. В своих публичных лекциях он рассказывал о русских землепроходцах, первооткрывателях Восточной Сибири и Амура, о деятельности Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева по закреплению за Россией Приамурья и Приморья. Он подчеркивал важное экономическое значение для страны таких областей, как Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская, их огромные неиспользованные природные богатства и видел широкие перспективы их развития.

Будучи сторонником лишь буржуазно-реформаторских мер, исключаящих коренную ломку существующего строя, Щербатов тем не менее выступал по некоторым частным вопросам как дальновидный и прогрессивный для своего времени деятель. Это относится, в частности, к его широким проектам транспортного строительства в Сибири. Русско-японская война показала весьма низкую пропускную способность транссибирской магистрали, еще не завершенной к 1904 г. К тому времени еще не был построен кругобайкальский участок железной дороги, и летом поезда перевозились через Байкал с помощью специального паромного судна, а зимой прокладывался временный рельсовый путь по льду озера. В период ледостава и ледохода всякое железнодорожное сообщение через Байкал надолго прерывалось. Магистраль была однопутной, со слабо развитым путевым хозяйством. Она не могла поэтому обеспечить своевременную доставку хозяйственных и стратегических грузов в восточные районы страны. В 1905 г. А. Г. Щербатов опубликовал брошюру, в которой обосновывалась идея расширения железнодорожной сети для связи центральных районов страны с Дальним Востоком. «Необходимо одновременно и прокладывать вторую пару рельсов, и строить параллельную линию» [15, с. 14]. Здесь, по существу, формулируется идея строительства второй транссибирской магистрали.

Сама по себе идея подобного рода была не нова. С такими проектами еще в XIX в. выступали многие ученые и инженеры-путейцы, экономисты и общественные деятели, люди различных убеждений. Они предвидели широчайшие возможности и хозяйственную необходимость освоения просторов Сибири и Дальнего Востока и понимали, что такое освоение должно сочетаться с серьезным транспортным строительством. Однако все подобные проекты, подчас весьма оригинальные, остава-

лись утопией в тогдашних условиях — при экономической слабости полукрепостнической России и недалеко-видности царского правительства. Неудачи предшественников не могли остановить Александра Григорьевича, продолжавшего ратовать за свою идею. В книге «Обновленная Россия» автор вновь возвращается к проблеме железнодорожного строительства. «Широкое развитие железнодорожной сети есть первейшее существенное условие государственного и народного развития», — подчеркивает он [16, с. 90].

Проблеме железнодорожного транспорта в России посвящен специальный раздел в книге «Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем». Автор резко критикует состояние этой отрасли российской экономики в 1910 г. и с горечью пишет, что в России всего лишь 70 тыс. верст железных дорог на 160 млн. населения, а в Соединенных Штатах — около 300 тыс. верст на 80 млн. жителей. Чтобы преодолеть отсталость российского транспорта, Щербатов предлагает грандиозный план транспортного строительства в Северной Сибири — прокладку по крайней мере двух новых сибирских магистралей, выхода железнодорожных путей к золотым приискам и к Берингову проливу. Развитие железнодорожной сети, по его убеждению, вызвало бы оживление народного хозяйства, позволило бы заселить Сибирь и окраинные восточные районы.

В работах Щербатова выдвигалось и требование реформировать систему образования, сделать ее более доступной и целенаправленной. По его мнению, нужно отбросить изучение латыни и древнегреческого языка, а также иностранного законодательства и римского права как предметов, не имеющих практического значения, и придать всей системе образования прикладной характер. Он призывал «взяться за подготовку не ученых вообще, а полезных для России деятелей» [16, с. 61]. Образование нужно сделать доступным для всех, и каждый церковный приход должен иметь одно или несколько народных училищ.

Щербатов глубоко верил в народные силы, народный талант: «Русские народные способности проявляются постоянно и в разных изобретениях, научных исследованиях и в самостоятельно развивающихся отраслях промышленности. Яблочков первый применил электричество к освещению, Орлов изобрел особый, весьма выгодный способ печатания разными красками, в морском ве-

домстве, в артиллерии русские изобретатели стоят впереди иностранцев. Наши ученые Менделеев, Мечников и многие другие оцениваются за границей и не признаются только в России» [17, с. 12].

Он видел, что применению и признанию ярких талантов представителей русского народа препятствуют бюрократическая рутина, неповоротливая административная система, консерватизм высокопоставленных чиновников. «Чтобы из этих отдельных родников создалась бы громадная река русской народной производительности, нужно только устранить преграды и препятствия, создаваемые администрацией и полицией» [17, с. 13], — заключал Александр Григорьевич Щербатов, полагая, что обновление самодержавного строя с помощью буржуазных реформ поможет устранить все пороки и язвы общества.

Таковы были в общих чертах взгляды Щербатова-экономиста. Они имеют для нас определенный интерес, поскольку под углом зрения своих экономических представлений Александр Григорьевич пытался оценить и развитие тех стран Востока, в которых путешественники побывали. В печатных трудах Щербатова причудливо сочетались весьма радикальные для своего времени идеи с явной утопией, умеренные в целом требования буржуазного реформиста с реакционными взглядами богатого помещика. Его экономические труды представляют в настоящее время лишь исторический интерес. И тем не менее теперь, когда советский народ осуществляет грандиозную стройку века — БАМ, нужно помнить, что стройка эта имела свою предысторию. Еще задолго до рождения Советского государства раздавались голоса в пользу такой стройки. Среди тех, кто выступал с прообразом идеи подобного строительства, был и русский путешественник и экономист Александр Григорьевич Щербатов.

В начале 1915 г. Щербатовых постигло большое горе — умер их старший сын Александр в возрасте всего тридцати четырех лет¹⁴.

Александр Александрович Щербатов, морской офицер, участник русско-японской войны, был человеком способным и мыслящим и отличался, как можно судить по оставленным им записям, более радикальными взглядами, нежели его родители. Однако старшие Щербатовы, люди образованные, несомненно, оказали глубокое влияние на сына. Для него были характерны острый

критический ум, стремление к знаниям, широкая любознательность.

Мичман Щербатов задумывался над причинами цусимской катастрофы и краха царизма и искал выхода. Вот одна из красноречивых записей в его дневнике: «Мой девиз — служба России, а не личности, а поэтому, какой бы у нас ни был род правления, я служу Родине. Вопрос сводится к тому, быть ли в оппозиции или на стороне правительства. До сих пор я был на стороне старого правительства, а теперь я прямо говорю — не знаю... Уже теперь я часто думаю, что заодно с миллионами бастующих российских людей, что заодно я с идущими на Казанскую площадь студентами» [3, оп. 2, л. 184]. (Автор этих записей имеет в виду площадь перед Казанским собором в Петербурге, где по традиции происходили митинги и демонстрации революционного студенчества.)

Весь дневник мичмана Щербатова пронизан чувством горечи поражения; автор пишет о разложении, охватившем Россию, и высказывает убежденность в неизбежности коренных реформ флота. Свои взгляды на необходимость таких реформ Александр Александрович изложил в рапорте, поданном на имя флотского начальства, а также в более поздней своей публикации в «Кронштадтском вестнике» [13]. «Только что кончившаяся война с Японией, тяжелые дни, переживаемые Россией в последнее время, заставляют отнестись серьезно ко всему происходящему и приложить все свои силы к устройству новой России, всего на новый лад», — писал он [3, оп. 2, л. 188].

Красной нитью во всех рассуждениях А. А. Щербатова проходит мысль о том, что Россия, великая морская держава, должна иметь сильный и передовой морской флот, а его личный состав — состоять из высококвалифицированных, хорошо подготовленных специалистов. Поэтому нужно в корне изменить всю систему комплектования и подготовки личного состава флота.

Молодой моряк воспринял от родителей глубокий интерес к странам Востока и несомненные задатки исследователя. В архиве сохранились две его записные книжки. Они озаглавлены «Записки по Дальнему Востоку» [3, оп. 2, л. 186] и написаны частично на русском, частично на английском языке. Это выписки из различных, известных Александру Александровичу современных публикаций, касающихся дальневосточных

стран: Китая, Японии и Кореи. Выписки эти свидетельствовали, что мичмана Щербатова интересовали этнография, экономика, культура этих стран.

Александр Александрович Щербатов был членом Российского географического общества, а также Палестинского общества. Казалось бы, перед ним открывалась карьера морского офицера, вдумчивого, инициативного, обеспокоенного за судьбу русского флота. Но в 1912 г. в звании лейтенанта Александр Александрович оставляет службу. Возможно, это явилось результатом служебного конфликта между беспокойным офицером и его флотским начальством, которому надоели щербатовские рапорты с различными предложениями. А возможно, отставка А. А. Щербатова была результатом его горького разочарования, неверия в свои силы, убежденности в том, что никакие его рапорты не смогут повлиять на флотских рутинеров и изменить сложившиеся на царском флоте порядки.

Уволившись в запас, А. А. Щербатов уезжает в Заволжье, в Самарское имение. Там избирается он уездным предводителем дворянства. В архиве сохранилась фотография Александра Александровича той поры. На ней болезненный, преждевременно состарившийся, какой-то опустошенный человек. Ничего уже нет в нем от прежнего подтянутого боевого офицера, каким мы видим его на более ранних фотографиях. По-видимому, расставание с флотом оказалось для него тяжелым ударом, крахом несбывшихся надежд.

Краткий рассказ о личности Александра Александровича помогает нам представить ту нравственную атмосферу, которая существовала в семье Щербатовых, атмосферу острого критического отношения к российской действительности.

Александр Григорьевич Щербатов умер от тифа в конце апреля 1915 г., вскоре после смерти старшего сына. Потеря сына, во многом духовного единомышленника, оказалась для болезненного отца сильным ударом. Ольга Александровна Щербатова намного пережила своего мужа. Вскоре после революции она вместе с младшими детьми, невесткой и четырьмя малолетними внуками, дочерьми покойного сына Александра, оказалась в эмиграции. Очевидно, они уехали в 1918 г., так как этим годом датируются последние документы щербатовского архива. С помощью зарубежных корреспондентов нам удалось установить дату и место кончины

О. А. Щербатовой. Ольга Александровна умерла в 1944 г. в возрасте 87 лет в эмигрантском доме для престарелых в окрестностях Парижа. Там же она и похоронена на русском кладбище.

В щербатовском фонде ЦГАДА хранится много разнообразных документов, связанных с семьей Щербатовых. Некоторыми из архивных сведений и фотографий автор воспользовался при подготовке книги. Однако при более детальном знакомстве с фондом Щербатовых автор испытал разочарование. Здесь не оказалось ни дневников путешествий, которые легли в основу книг Ольги Александровны, ни документов или писем, относящихся к истории путешествий, ни фотографий, снятых на Яве, в Индии и Сирии. Не оказалось также черновики или неопубликованных рукописей Александра Григорьевича, которые помогли бы лучше представить его взгляды как экономиста. Вряд ли Щербатовы не сохраняли такого рода бумаги, в то время как они сберегали в своем домашнем архиве менее ценные документы. Создается впечатление, что еще до того, как щербатовские имения перешли в руки государства, кто-то изъясил и увез наиболее интересную часть архива. Очевидно, это сделала сама Ольга Александровна. Не исключено, что у потомков Щербатовых могут находиться документы, которые помогли бы более подробно воссоздать щербатовские путешествия и биографии.

Предпринятые автором поиски документов семейного архива Щербатовых через зарубежных корреспондентов пока не дали результатов, хотя такие находки в будущем нельзя исключать. Приходится считаться и с тем фактом, что Ольга Александровна Щербатова, у которой скорее всего и могли храниться вывезенные из России документы, доживала свой век в условиях гитлеровской оккупации Франции. Поскольку к тому времени значительная часть русской эмиграции стояла на патриотических и антинацистских позициях, а многие ее представители активно участвовали в движении Сопротивления, гитлеровцы в целом относились к эмигрантским кругам с подозрением. К тому же младший сын Щербатовых — Георгий Александрович служил в военно-морских силах США¹⁵. Следовательно, Ольга Александровна была в глазах оккупационных властей матерью врага рейха. И неизвестно, могла ли она в этих условиях сохранить свой архив, если он был?

В заключение несколько слов о судьбе усадьбы Щер-

батовых в подмосковном селе Васильевском. После революции усадьба стала всенародным достоянием. В конце 1941 г. в непосредственной близости от Васильевского проходила линия фронта. Село оказалось разрушенным и сожженным до тла. Однако усадебный дом, скрытый в глубине парка, не пострадал. Сейчас там разместился один из лучших в Подмоскowie домов отдыха, носящий имя А. И. Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Князя Щербатовы, Рюриковичи, были прямыми потомками одной из ветвей князей Черниговских. Сведения о семье Щербатовых дает генеалогическое издание [12]. Их родственники графы Строгановы были потомками выдвинувшихся в XVI в. уральских промышленников, приобщившихся позднее к богатейшей титулованной русской аристократии.

² Председателем (директором) музея номинально считался кто-нибудь из членов царской фамилии. Сперва этот скорее почетный титул носил дядя последнего царя Сергей Александрович, убитый в начале 1905 г., а потом брат царя Михаил, оба люди бесцветные, далекие от науки. Но реальным главой музея оставался товарищ председателя. Занимая этот пост, Н. С. Щербатов, как можно судить по его отчетам, много сделал для оживления работы музея, пополнения его новыми коллекциями, привлечения в совет музея видных деятелей русской культуры, таких, например, как Анна Григорьевна Достоевская, вдова писателя, и один из братьев Васнецовых (о музейной деятельности Н. С. Щербатова см. [9; 10]). В музейной аудитории нередко читались публичные лекции, с которыми выступал и Александр Григорьевич Щербатов. Став первым советским директором музея, Николай Сергеевич сумел преодолеть сословные предрассудки и до самой своей кончины честно служил Советской власти. Еще недавно были живы работавшие с ним старые сотрудники музея, отзывавшиеся о нем с большим уважением.

³ Начав службу солдатом Измайловского полка, Алексей Григорьевич Щербатов прошел суровый путь. В боях с Наполеоном он участвовал уже в генеральском чине, в 1812 г. командовал дивизией, потом корпусом, а впоследствии дослужился до полного генерала и стал московским генерал-губернатором.

⁴ Окончив университет, Г. А. Щербатов три года находился на военной службе, затем перешел на гражданскую и благодаря своим родственным связям довольно успешно продвигался по служебной лестнице. Его женой и матерью путешественника была Софья Александровна, урожденная графиня Панина, внучка известного государственного деятеля екатерининской эпохи Никиты Панина.

⁵ Многие строгановцы потом стали прославленными живописцами, художниками-графиками, скульпторами. В отличие от казенной

академической рутинной столичной Академии художеств, сковывавшей творческую инициативу воспитанников, строгановцы обычно оказывались в более свободной, демократической, чуждой рутине обстановке. И это самым благоприятным образом сказывалось на формировании их творческих взглядов и манеры письма. Основанное С. Г. Строгановым учебное заведение существует и в наши дни. Это Высшее художественно-промышленное училище. По традиции его называют «Строгановкой».

⁶ Некоторое время тому назад городские власти Ленинграда приняли решение о передаче бывшего строгановского дворца, занятого в последние годы государственным учреждением, под филиал Русского музея. Пройдет некоторое время, и его великолепные залы снова будут заполнены музейными экспонатами, привлекающими посетителей.

⁷ Матерью Ольги Александровны была Татьяна Дмитриевна, урожденная княжна Васильчикова. С семьей Васильчиковых как Строгановы, так и Щербатовы роднились неоднократно. У путешественников Щербатовых было четверо детей. Старший сын Дима умер в младенческом возрасте. Другими детьми были: Александр, Елена (Лиля) и Георгий.

⁸ Марониты — приверженцы одного из ответвлений христианской церкви на Ближнем Востоке, сложившегося в V—VII вв. на базе монофизитства и монофелитства.

⁹ Всех животных в караване было 42, в том числе 16 вьючных мулов, 6 вьючных верблюдов, 2 верховых верблюда под проводниками-бедуинами, 6 верховых ослов и 12 лошадей.

¹⁰ Порта — официальное название правительства Османской империи в дипломатических документах.

¹¹ Речь идет о буддийском монастыре.

¹² М. М. Бакунин занимал пост русского консула в Батавии в 1894—1899 гг.

¹³ Цифровые данные приводятся автором на основе статистических сведений за 1891 г.

¹⁴ Александр Александрович Щербатов родился в 1881 г. в имении родителей Васильевском Рузском уезде, Московской губернии. Получив разностороннее домашнее воспитание, в 1896 г. поступил прямо в пятый класс одной из петербургских гимназий. После окончания гимназии в 1889 г. решил пойти в Морской корпус, посвятить себя флотской службе. Через три года А. А. Щербатов, аттестованный мичманом (в то время младшее из флотских офицерских званий), был направлен на Черноморский флот. Через некоторое время его перевели на Тихий океан в качестве младшего штурманского офицера. Там его и застала война с Японией. А. А. Щербатов служил во время войны на крейсере «Россия», находившемся в составе владивостокской эскадры, и был награжден несколькими орденами. Он

мечтал поступить в военно-морскую академию, однако так и не смог осуществить свой замысел. В его дневниковых записях часто встречаются ссылки на адмирала С. О. Макарова, есть и выписки из его трудов; очевидно, он был для молодого офицера высшим авторитетом в вопросах военно-морской науки.

¹⁵ Судьба эмигрировавших потомков путешественников такова. Их младший сын Георгий, учившийся по примеру старшего брата в Морском корпусе, стал офицером военно-морских сил Соединенных Штатов. Во время второй мировой войны в непосредственных боевых действиях не участвовал, посетил нашу страну во время Ялтинской конференции глав трех Великих держав в феврале 1945 г. в числе лиц, сопровождавших президента США Ф. Рузвельта. По-видимому, он мог служить переводчиком американской делегации. Г. А. Щербатов умер, не оставив потомства. Его сестра Е. А. Щербатова проживала в Англии и там умерла несколько лет назад. Внучки путешественников, дочери Александра Александровича, проживают в Бразилии, Франции и Австрии. После пресечения рода Строгановых потомки путешественников стали называть себя Щербатовыми-Строгановыми, следуя принятой в русских эмигрантских кругах традиции. Проживающая в Австрии Ксения Александровна Щербатова-Строганова, младшая дочь А. А. Щербатова, посещала нашу страну.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9.
2. Маркс К. Восстание в индийской армии.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
3. Центральный Государственный Архив Древних Актов (ЦГАДА). Ф. 1278.
4. Демин Л. М. Из яванского дневника. М., 1978.
5. Демин Л. М. Путешественница Щербатова.— «Голос Родины». М., 1977, № 8.
6. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973.
7. «Исторический вестник». СПб., 1895. Год 16, т. 9.
8. [Некролог А. Г. Щербатова].— «Новое время». М., 27.04.1915.
9. Отчет Императорского российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1914 год. М., 1915.
10. Отчет Императорского российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет (1883—1908). М., 1916.
11. Перская И. Ю. Источники по истории Индонезии с древнейших времен по 1917 г. (библиография публикаций по фондам библиотек Москвы и Ленинграда). Ч. 1. М., 1974.
12. Потомство Рюрика. Материалы для сопоставления родословной. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 3. Составил Г. А. Власьев. СПб., 1907.
13. Щербатов А. А. Условия успешного воссоздания флота в России.— «Кронштадтский вестник», 31.I.1913.
14. Щербатов А. Г. Способы увеличить производительность крестьянских хозяйств. М., 1905.
15. Щербатов А. Г. Значение для России войны с Японией. СПб., 1905.
16. Щербатов А. Г. Обновленная Россия. М., 1908.
17. Щербатов А. Г. Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем. М., 1910.
18. Щербатов А. Г., Строганов С. А. Книга об арабской лошади. СПб., 1900.

19. Щербатова О. А. По Индии и Цейлону. Мои путевые заметки 1890—91 гг. с двумя дополнительными главами о религии и архитектуре Индии. А. Г. Щербатов. Краткий обзор истории и современного положения Индии. М., 1892.
20. Щербатова О. А. В стране вулканов. Путевые заметки на Яве 1893 года. СПб., 1897.
21. Щербатова О. А. Верхом на родине бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми (2600 верст по Аравийским пустыням в 1888 и 1900 гг.). СПб., 1903.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧЕРЕЗ СИРИЙСКУЮ ПУСТЫНЮ	13
К ГИМАЛАЯМ	32
В СТРАНЕ ВУЛКАНОВ	59
ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СИРИЮ	79
ВОЗВРАТЬСЯ ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАН	86
ПРИМЕЧАНИЯ	105
ЛИТЕРАТУРА	108

Лев Михайлович Демин

В ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЯХ
(Рассказ о путешественниках
Щербатовых)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *А. В. Бодянская*
Художник *Н. Н. Ларский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *М. З. Шафранская*

ИБ № 14976

Сдано в набор 10.10 83. Подписано к печати 22.02.84. А-05332. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,88+0,42 вкл. на мел. бум. Усл. кр.-отт. 6,62. Уч.-изд. л. 6,56. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5377. Зак. № 739. Цена 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

выпущена книга

Минеев А. И. Бамбуковая крепость. 13 л.

Автор, несколько лет проработавший во Вьетнаме, на основе личных впечатлений и литературы рассказывает о жизни, трудовой деятельности, культуре вьетнамского народа. Даются географические и исторические сведения, рассказывается о культуре предков и конфуцианстве, описывается облик вьетнамской деревни и крупных городов.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»

40 к.